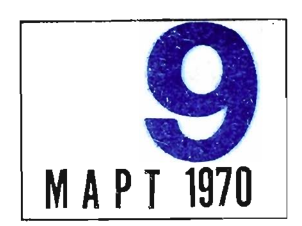
КРОКОДИЛ

САМОУПИЙЦА

Рисунок Е. ЩЕГЛОВА

4 апреля у венгерского народа большой праздник. В этот день исполняется 25 лет со дня освобождения Венгрии от фашистских захватчиков.

От всего сердца поздравляем наших дорогих друзей!

Привет из «ЛУДАШ МАТИ»

В мае 1945 года, спустя всего лишь несколько недель после того, как Советская Армия вышибла с территории Венгрии последнего гитлеровского солдата, вышел в свет первый номер «Лудаш Мати».

За прошедшие с тех пор годы он стал одним из самых популярных наших еженедельников: тираж его, достигший 600 тысяч,— своего рода рекорд для юмористических журналов, если учесть, что население страны составляет 10 миллионов.

«Лудаш Мати» был назван по имени смышленого и находчивого крестьянского паренька, который в веселом поэтическом рассказе Михая Фазенаша трижды выпорол чванного и надменного господина Дебреги, угнетавшего и обижавшего простых людей. Лудаш Мати уже давно стал легендарным народным героем подобно Тилю Уленшпигелю или Ходже Насреддину — символом простого человека, борющегося за правду и справедливость.

Верный своему имени, «Лудаш Мати» пригвождает к позорному столбу все то, что мешает прогрессу и социалистическому строительству в Венгрии. Выполняя возложенную на него задачу, журнал стал боевым органом печати Венгерской Народной Республики.

Популярность журнала распространилась далеко за пределы страны, рисунки и юморески из «Лудаш Мати» часто перепечатывают за рубежом.

В день 25-летия освобождения Венгрии от гитлеровских захватчиков мы хотим представить читателям «Крокодила» несколько рисунков и юморесок из нашего журнала.

Ласло ТАБИ,
главный редактор
«Лудаш Мати»

Дьёрдь ФЁЛЬДЕШ

Деловая характеристика

— Вы не могли бы порекомендовать мне сообразительного сотрудника из вашего учреждения?

— С удовольствием. Например, мой заместитель. Отличный работник, блестящий организатор, деятельный и решительный. Идеал, о котором можно только мечтать.

— А чисто человеческие качества?

— Заслуживает всяческих похвал. Поразительно честный и искренний. Всегда готов помочь. Внимателен к товарищам, чуток, тактичен. Коллектив на него прямо не надышится.

— Семейная жизнь?

— Лучше и не придумаешь. Он обожает жену, жена — его, оба — своих двух детей. Те — их.

— Интересуется общественными делами?

— Весьма. В общественную работу прямо зубами впивается.

— А вы не можете порекомендовать кого-нибудь другого?

— Могу, но это уже будет совсем не тот человек. Нет, совсем не тот!

— Разбирается в своей специальности?

— Кое-как. Накладную от разового пропуска, конечно, отличит... Но, скажу вам прямо — ленив, срывает графики поставок, суетлив, порученную ему работу скорее дезорганизует, чем организует.

— А как человек?

— Характер неустойчивый. Злобен и неискренен. Начальству нагло льстит, с подчиненными груб, затевает интриги против сослуживцев, старается спихнуть на них свою работу. Его у нас терпеть не могут...

— Семейная жизнь?

— Запутанная. Алименты на алименты, как проценты на проценты. Бухгалтер всегда хватается за валидол, когда пытается разобраться в его бывших женах.

— Интересуется общественными делами?

— Нисколько. Однажды его сунули в редакцию стенгазеты, так он, представляете, заявил, что неграмотный.

— Можете не продолжать. Это мой человек. Если вы не возражаете, я тут же беру его к себе.

— Вы с ума сошли!

— Послушайте, теперь все знают, что когда на предприятии хотят освободиться от плохого работника, его восхваляют до небес. И наоборот, ценного человека хают. Сначала и я клевал на эту удочку, но теперь, слава богу, меня не проведешь. Присылайте скорее ко мне этого негодяя!

Портрет НДП

Рисунок Ене **ДАЛЛОША**

ДУЭЛЬ

Рисунок Андраша **МЕСАРОША**

Дьёрдь МИКЕШ

МОНОЛОГ КИНОЗРИТЕЛЯ

Время, когда кино означало полный отдых, уже миновало. Раньше зритель усаживался в кресле и самозабвенно отдавался зрелищу. Теперь он должен думать: думать о том, что он скажет, когда фильм кончится. Кинозритель, следя за экраном, мысленно формулирует свое мнение, готовится к дискуссии, выковывает доводы.

Современные фильмы не дают облениться мозговым клеткам. Раньше в кино у них не было никаких забот: они спали, мирно притулившись в мозговых извилинах. Но теперь им приходится трудиться, ибо, когда в зрительном зале станет светло, зритель должен будет что-то сказать о фильме. Всегда ведь кто-нибудь спросит: «Ну, что скажешь?» или «Я ни черта не понял, будь другом, объясни!» Именно поэтому, когда крутят фильм, надо размышлять о путях и стилях современного киноискусства, о мировоззрении режиссера и его философской системе. И прежде, чем билетеры откроют двери, надо сделать окончательные выводы.

Я попробовал было следить за фильмом одним глазом, а другой прикрывать, потому что по-настоящему думать я могу только с закрытыми глазами. Но думалось мне неважно: фильм мешал. Тот глаз, который был открыт, схватывал кадры и передавал их в мой мозговой центр. Чтобы лучше думалось, я закрыл оба глаза и, углубившись в себя, размышлял о том, что я скажу о фильме, если меня спросят.

Потом я сообразил, что с закрытыми глазами могу сидеть и дома. Удобнее и дешевле. И думается дома легче. Можно сварить кофе, чтобы прояснилось в голове. А в кино кофе не сваришь...

В общем, обнаружил, что могу с большей пользой провести время на домашней тахте, чем сидя два долгих часа в душном, переполненном зале кинотеатра.

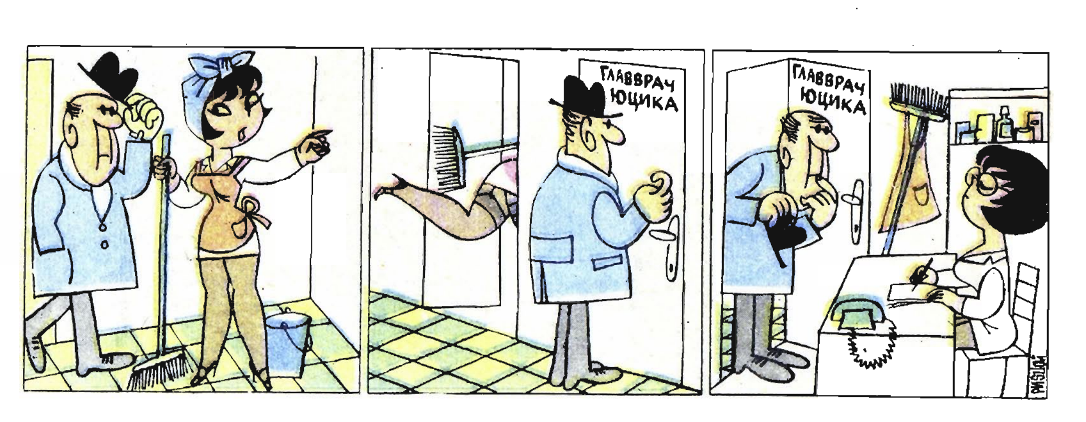
Нет. Фильмы я теперь не смотрю. Зачем?

Перевела Елена **ТУМАРКИНА**

Охота в доисторические времена.

Рисунок Дьёрдя **ВАРНАИ**

ЮЦИКА И НЕХВАТКА УБОРЩИЦ

Рисунок Пала **ПУСТАИ**

КОГДА ЦВЕТУТ ПОДСНЕЖНИКИ

Р. КИРЕЕВ,
специальный корреспондент Крокодила

Мастер чистоты Сидоров дядя Вася, по-старинному — дворник, взрыва не слышал. А взрыв между тем шарахнул, пригнув к столам встревоженные управленческие головы: слово «сокращение» закружило над ними...

Когда взрывная волна достигла предприятия, именуемого Седьмой дистанцией пути Свердловской железной дороги, перед начальником дистанции Воробьевым возник Борис Борисов, заместитель по кадрам.

— Мыслишка у меня,— признался Борис Борисов и пошелестел предписанием «сверху».— В отношении сокращения...

Начальнику Воробьеву шелест не понравился. Нечто злонамеренное уловил он в нем. Уж не на персонального ли шофера Елтышева покушается заместитель? Он вытянул указательный палец и покачал им перед носом заместителя с оттенком устного взыскания.

— Елтышев числится водителем автокрана,— напомнил он.— Или вы полагаете, это роскошь — водитель автокрана?

Вместо ответа гулко застучало в груди преданное заместителево сердце.

— То-то же,— сказал Воробьев.— А кого же тогда — Шкарубу?

Труженица Шкаруба получала ставку техника путевой колонны, но была женщиной утонченной и разные железные штуки презирала. В микроклимате бухгалтерии свершала жизненную стезю техник путевой колонны. Стало быть...

Борис Борисов решительно пресек и эти логические измышления. Никого из десяти человек, зашторенных чужими должностями, он трогать не собирается.

— Иван Михайлович Ремизов,— произнес заместитель, раскрывая карты.

Старика Ремизова оторвали от негабаритных грузов, которыми он занимался, и спровадили на пенсию. Вкупе с ним фугануди методиста производственной гимнастики. Кампания по усовершенствованию управленческого аппарата была триумфально завершена.

«Наверху» удовлетворенно гмыкнули. «Наверху» — это в отделении дороги. В данный момент оно было занято тем, что заселяло новое четырехэтажное здание. Подхватав под мышки грузные папки, номенклатурные единицы покидали хилые строения. Первым делом они покрепче привинчивали к дверям таблички с фамилиями: взрыв, на который не обратил внимание Сидоров дядя Вася, мастер чистоты, уже ухнул, и очищающее дуновение носилось по новенькому административному зданию.

А что же хилые строения — так и опустели? Зачем? На их долю тоже остались административные единицы, и потому можете вдоволь чесать озадаченный затылок:

— Растут, выходит, штаты? Взрыв, очищающее дуновение, а тут... И четырехэтажный красавец полон, и прежние строения...

Борис Николаевич Носков, ведающий кадрами отделения, сдувает с полированного стола нечто незримое и благоговейно раскладывает бумаги. Святая святых предстает перед вами — отделение в разрезе. Вы видите все. Вы видите, например, что в пассажирском отделе предусмотрено пять человек, и неожиданно вспоминаете, что стульев там значительно больше.

— Стулья я не считаю,— с достоинством отвечает хранитель священных бумаг и, сдунув нечто незримое, прячет их в стол.

Вы плететесь в пассажирский отдел и, обходя сзади сотрудников, ставите на стульях крестики ногтем.

— Не трудитесь,— замечает начальник отдела Древсянников.— В моем распоряжении десять человек.

— Но по штатному расписанию...

— По штатному — пять. Остальные — подснежники.

Сейчас вы поймете точность этого образа. Неприметно и тихо существуют «подснежники» в управленческих кабинетах. Корни их уходят в нижестоящие организации: там они числятся и там получают зарплату.

Хотите знать, как произрастают «подснежники»? В вагонном отделе все началось с парада-алле сотрудников: в должность входил новый начальник Игорь Владимирович Зорин. Парад был скудным, как в государстве Монако. Зорин тоскливо попенял на скупердяйство составителей штатного расписания. По величине аппарата судят о руководителе, грустил он и медленно лелеял идею «подснежников». Через некоторое время он снял трубку и телефонно спустил циркуляр в подведомственные ему организации. Если о руководителе судят по величине его аппарата, то уже на другой день авторитет Зорина вырос вдвое.

Но вскорости произошло покушение. Начальник вагонного депо Шептунов взял да и сократил тех трех мастеров, которых у него циркулярно изъяли. Раз депо обходится без них, рассудил он, стало быть, проживет без их услуг и дальше.

Вы скажете, это логично. Игорь Владимирович Зорин заявил, что это бандитизм. Сокращайте кого угодно, но тройку не трогайте! В ответ Михаил Михайлович Шептунов пожал плечами.

— Мы обязаны обслуживать вагоны, но не управленческий аппарат.

Это была дерзость и вакханалия. Это был подрыв удвоенного авторитета руководителя Зорина. «Не паниковать!» — приказал Игорь Владимирович взволновавшейся тройке и устремился за помощью к заместителю начальника отделения Каняеву.

— Пожалуйста,— буркнул Каняев и отшлепал принципиальному Михаилу Михайловичу телеграфное «Цыц!».

Отныне вы понимаете, почему штат отделения остается неизменным, а служебная площадь его растет. Но все равно не быть ему самой крупной в городе административной организацией: тут прочно лидирует Управление Свердловской железной дороги.

Вы не запутались в железнодорожной иерархии? Вы понимаете, по каким ступеням катятся вниз руководящие депеши? Попробуем на пальцах объяснить это художнику Герману Огородникову, а уж он растолкует вам все с помощью фломастера.

Теперь вы понимаете все. Теперь вы убедились, что управление — это еще не Олимп, но это уже предгорья священной высоты, и вступая сюда, нужно оставить саркастические интонации.

Нелегально, но густо заросло предгорье «подснежниками». Зябко ежатся таинственные инструкторы по сварке. Вы сочувствуете им: к черту на кулички приходится им таскаться за зарплатой — на окраину города, в «Свердловск-сортировочный». Шелестит папками виртуоз бумажных дел Людмила Кундусова. Виртуоз числится весовщиком на станции «Свердловск-товарная», истинные же свои способности реализует в управлении у начальника грузовой службы Рубина. И еще одна нелегальная Людмила, и тоже у начальника грузовой службы Рубина, личным секретарем (фамилия — Слаутова, зарплата—станция «Свердловск-пассажирская»). Потом вы увидите уже целую стайку «подснежников», именуемых группой выгрузки...

Отдельные предприятия, кряхтя, приноравливаются: нанимают для бумажной барщины в управлении пенсионеров. Тяжко предприятиям, особенно сейчас, после того самого взрыва.

— Какой же это взрыв? — усмехается шеф штатного хозяйства Подкорытов.— Обычное постановление об обычном сокращении.

В свое время шеф сунул постановление в кожаную папку и, поплевав на руки, принялся перебрасывать костяшки слева направо. Каждая костяшка олицетворяла сокращенного. Преимущественным правом олицетворения пользовались швейцары и гардеробщики. Вспомнили и о мастере чистоты Сидорове дяде Васе. Шеф вызвал дядю Васю к себе и назвал его по имени-отчеству.

— Кампания, Василий Петрович, проводится. По сокращению управленческого аппарата. Больно уж он раздут у нас.

— Согласный я с вами,— поддержал дядя Вася, мастер чистоты.— Все чего-то управляют, управляют...

— Ну, вот видишь, сознательный ты элемент, Василий Петрович. Покумекали мы тут, покумекали и решили оказать тебе доверие. В центр кампании поставить. В качестве сокращенного.

— За что же это в центр меня, Леонид Вячеславович? Я, чай, не управляю. Я управляюсь... С мусором. И инвалид войны я.

— Все мы инвалиды,— вздохнул Подкорытов.— Фигурально выражаясь, конечно. А народные денежки экономить надо. Ты уж не гневайся.

Подготовили приказ о сокращении, испросили согласие месткома, а местком согласие не дает, поскольку Сидоров Василий Петрович инвалид войны не фигуральный, а взаправдашный. Трудоустраивайте, говорят, мастера чистоты, коли уж сокращать надумали его должность по высшим экономическим соображениям.

Вышел дядя Вася из месткома в коридор и задумался о туманном своем будущем. Куда теперь трудоустроят его? А мимо проносились сотрудники — с бумажками и без оных, легальные и не очень. Тридцать тысяч курьеров и все скачут, скачут...

г. Свердловск

Поставив завершающую точку, автор еще раз внимательно оглядел рисунок и несказанно удивился.

— Извините,— сказал он художнику,— но это уже отсебятина. У меня нет данных, что и министерство имеет «подснежников». А вы изобразили его.

— Литераторам всегда недоставало логики,— вздохнул Герман Огородников.— Это же — логичное завершение картины, вами нарисованной. Вы показали лестницу, все ступеньки которой искривлены, за исключением последней. Такого не бывает.

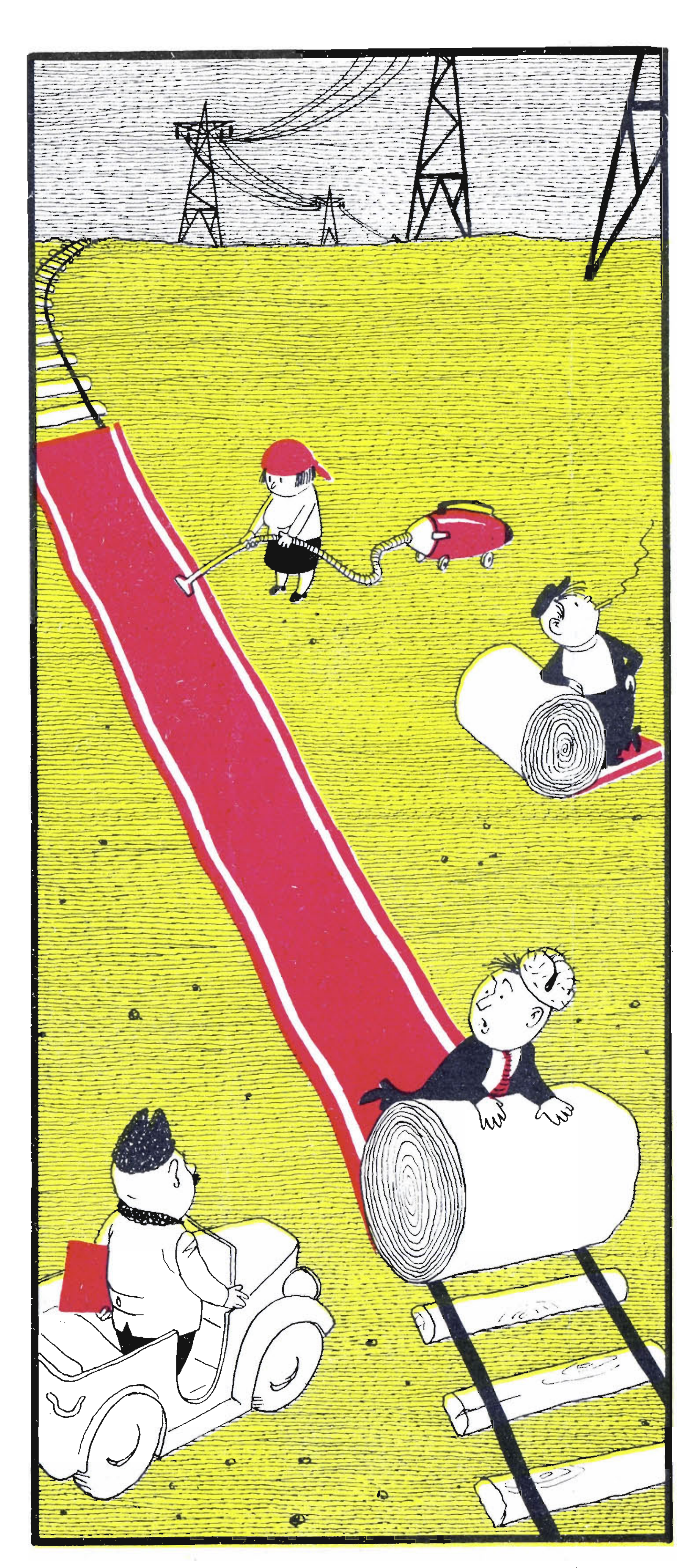
— Но факты! — выкрикнул автор.— Где факты?

Художник взял телефонный справочник и, вяло полистав его, выписал десяток номеров. Фельетонист наугад позвонил по одному из них — на станцию «Москва-пассажирская».

— Есть ли у вас люди, которые числятся за станцией, а работают в Министерстве путей сообщения? Простите, если это бредовый вопрос...

— Почему бредовый? — возразил начальник отдела кадров Ф. П. Панков.— Есть такие. Семь человек. Дважды в месяц они являются к нам за зарплатой.

Герман Огородников так и не спросил, что ответили автору по телефону. Великодушные все же люди — художники.

— Отставить! Управляющий трестом прибывает на самолете!

Рисунок Е. ГУРОВА

Комета стартует в девять...

При встрече в отеле «Рекс» с мистером Смитом Шуба-1 не пожалел красок, чтобы нарисовать заманчивую картину открывающихся перед НТС перспектив. При этом он размахивал письмом с тайнописью и оперировал громкими терминами, полными взрывной силы. Став в позу крупного политического деятеля, Романов рьяно доказывал, что коль скоро его организация сумела установить тесную связь с широкими студенческими массами в СССР, то все остальное уже не за горами, и события могут последовать со дня на день.

Мистер Смит со свойственной американцам деловитостью пресек эти разглагольствования.

— Конкретно! — потребовал он.

— Я к-конкре-но...— осекся Романов.

— А я спрашиваю,— уточнил американец,— какую информацию вы можете предложить? Военную, политическую, экономическую? Не забывайте, мистер Шуба, что вы находитесь в тесном кругу своих коллег, а не перед публикой!

Поскольку ни один из приглашенных ничего определенного сообщить не мог, американец бесцеремонно приказал впредь являться только с конкретным материалом на руках.

Таков был итог встречи в отеле «Рекс».

Не удивительно, что на другой день в Зоссенхайме был объявлен аврал. В кабинете Романова с раннего утра совещались специалисты по агентурной работе. Они уточняли детали готовящейся акции под кодовым названием «Семинарист».

На случай, если возникнет необходимость заслать в Москву своих контролеров и связных, специальная группа отрабатывала переход советской сухопутной границы. Макет границы был оборудован за бараком № 1 и состоял из четырех метров вспаханной полосы, двух рядов колючей проволоки и наблюдательной вышки. На вышке восседал тренер группы Куркуль, изображавший пограничника. Два солидариста — Скорина и Чикарлеев, ползали на четвереньках взад-вперед, преодолевая полосу препятствий.

— Головы опустите ниже! Головы! — командовал с вышки Куркуль.— А то я как пырну штыком! Либо шашкой!

— У-у, черт, набрался с утра шнапса,— огрызался солидарист Скорина.— А ты сойди с вышки да сам попробуй, как оно на пузе носом землю пахать!

— Р-р-азговорчики! — неслось с вышки.

По другую сторону вышки несколько других солидаристов, обряженных в одинаковые трусы, зажав пальцами нос, один за другим прыгали в пожарный бассейн, имитировавший Черное море. Они готовились к переходу морской границы и высадке с подводной лодки где-то в районе Нового Афона или Очемчира.

О том волнении, которое вызвало в Зоссенхайме наше тайнописное послание, мы тогда еще не знали. Но в том, что нами заинтересовались не на шутку и в расчете на нас строили далеко идущие планы, мы вскоре убедились.

Не прошло и двух недель, как на нашем рабочем столе появилось письмо со штемпелем Московского почтамта.

Какой-то неизвестный Кирилл ни с того ни с сего спешил информировать нас о своем посещении Харькова.

«Там я навестил наших знакомых и недурно провел время в обществе местных дам,— откровенничал Кирилл.— Распили дюжину шампанского, вспомнили детские шалости. В отношении Мари ты был прав. Она просто душка и главное — без предрассудков. В общем, я получил море удовольствия».

Под конец Кирилл спрашивал, как поживает Петр, и передавал привет от Мефодия.

Но никакие Кириллы и Мефодии уже не могли ввести нас в заблуждение.

— Надо гладить! — сказали мы Марии Кирилловне.— А ну-ка, где утюжок?

Поднаторевшая на секретной работе Мария Кирилловна разогрела утюг и вмиг вывела Кирилла и Мефодия на чистую воду.

Наш шеф мадам Ара, продолжавшая по-прежнему гримироваться под Алекса Липперта, сообщала:

«Ваш № 1 получил. Большое спасибо. К сожалению, прочитать удалось всего две-три строчки. Вероятно, у вас не хватает навыка. Недостающее пришлось восстанавливать по смыслу. В общем, все поняли. Прекрасно! Браво!..»

К письму повторно прилагалась подробная инструкция по тайнописи и конспиративный адрес мел-

---

Продолжение. Начало см. в № 8.

Перстень Матильды

Алексей ГОЛУБ, Борис ДАНЕЛИЯ

Документальный репортаж

кого швейцарского лавочника месье Марселя. Желая создать нам все условия для плодотворного сотрудничества, мадам Ара высылала нам про запас несколько листков копирки. Что касается карандаша, которым мы должны были выполнять тайнопись, то мадам рекомендовала пользоваться карандашом из детского рисовального набора «Пионер», который мы должны были приобрести за свой счет.

По роду своей профессии нам приходилось иметь дело с копиркой. В нашем представлении это черная или синяя тонкая бумага, которая оставляет следы на пальцах. Копирка, присланная из Франкфурта-на-Майне, выглядела совсем по-иному. На этот раз мы держали в руках обыкновенный листок, как бы вырванный из школьной тетради. Он выглядел совершенно невинно. На самом же деле это была одна из подлинных шпионских принадлежностей.

Секретное послание мадам Ары венчал перечень первоочередных задач, к выполнению которых нам предлагалось приступить немедленно:

1. Разыскивать и пересылать рукописи не опубликованных по тем или иным причинам литературных произведений. (Желательно анти.)
2. Создавать «революционные молекулы» наподобие известных отрядов «легкой кавалерии», вовлекая в них близких родственников (брат, сестра, жена, невеста, теща).
3. Регулярно собирать всевозможную необходимую «нашему делу» военную, экономическую и политическую информацию.
4. Провести всенародный референдум о государственном переустройстве в СССР (парламентарная республика или конституционная монархия).

Мадам Ара взваливала на нас явно непосильную ношу. О том, чтобы справиться с таким количеством заданий вдвоем, нечего было и думать. Правда, у нас уже были два помощника: старший курьер Мария Кирилловна и младший курьер Таня. Согласившуюся в конце концов приобрести электрический утюг завредакцией тоже можно было считать человеком, внесшим свою лепту в общее дело.

Итого пять человек. Для одной «молекулы» много, для двух мало. На первом же конспиративном совещании, которое состоялось в малом зале редакции, стало ясно, что мы располагаем достаточными силами для создания полноценного боевого штаба «легкой кавалерии».

Два человека вошли в «закрытый сектор», два — в «открытый» и один — в «оперативный отдел».

Как известно, любой знающий себе цену агент должен быть оснащен черными очками, отмычкой и иметь конспиративную кличку. Очки у нас были, вместо отмычек в кармане позвякивали ключи от квартиры. Зато с кличками пришлось попотеть.

Перед тем как стать Ягуарами, мы хотели назваться Антонием и Клеопатрой.

— Я буду Антонием,— сказал один из нас,— а ты Клеопатрой!

— Нет, почему же,— самолюбиво возразил другой,— почему это я, особа мужского пола, должен называться женским именем?

— Но ведь так конспиративней! — продолжал настаивать первый.— Все будут считать тебя женщиной, а на самом деле ты мужчина!

— Великолепно! — воскликнул другой.— В таком случае ты будешь Клеопатрой, а я Антонием. И не сверкай глазами, как ягуар!

— Ягуары! Эврика!

Так мы стали Ягуарами. Жена одного из нас отныне именовалась Коброй, а жена другого—Амазонкой. Таким образом, приведенный в начале повествования таинственный ночной разговор: «Комета стартует ровно в девять. Кобра все приготовила... Амазонка может отправляться налегке...» — ничего секретного не содержал. Он означал лишь, что наутро мы собирались совершить семейную прогулку на теплоходе «Комета», который отправлялся с Химкинского речного вокзала ровно в девять.

Секрет турецкого султана

Прежде чем приступить к составлению первого донесения, надо было отыскать источник, из которого мы могли бы черпать нужную информацию.

Кое-какая военная информация была у нас под руками. Она представляла несомненный интерес и после небольшой обработки могла быть передана во Франкфурт-на-Майне. Эта информация содержалась в наших записных книжках и касалась секретных сооружений на территории Москвы. Мы ее получили из первых рук от одного знакомого водителя такси.

Однажды один богатый иностранец, прибыв в качестве туриста в Москву, поздно ночью отправился в район Казанского вокзала и стал уговаривать водителей такси, чтобы они показали ему секретную стартовую площадку для запуска ракет.

— Площадку? — с готовностью отозвался один из таксистов.— Пожалуйста!

Услужливый московский водитель вмиг домчал иностранного гостя на Ленинские горы, туда, где, упираясь в небо, на правом берегу реки возвышается лыжный трамплин.

— Вот это оно и есть! — сказал водитель.

— О-ля-ля! — воскликнул иностранец и стал совать шоферу стодолларовую бумажку.

— С вас полтора рубля! — сказал шофер.— По счетчику.

Возможно, военные сведения, которые раздобыл иностранец, могли бы как раз пригодиться и мадам Аре?

В то время, как один из нас рылся в записных книжках, другой лихорадочно листал подшивку популярного дореволюционного журнала «Нива». Старый петроградский журнал оказался поистине неисчерпаемым кладезем самой разнообразной информации. В нем, например, из номера в номер печаталось сообщение о последней технической новинке — кабинетной пепельнице «Ка-ка». Агрегат, сочетавший в себе пепельницу с писуаром, настойчиво рекомендовался на случай войны как для гражданских учреждений, так и для военных ведомств.

Страницы журнала пестрели сообщениями о студенческих волнениях в Москве и Казани, о голодных бунтах в Поволжье. Здесь же рекламировались новейшие средства от угрей, бальзамы для ращения волос и ароматная фабра для усов. Во весь голос заявляли о себе еще не признанные и малоизвестные литературные таланты.

Возможность немедленно передать всю эту богатейшую информацию в швейцарский адрес была заманчивой, но многоопытная мадам Ара, которая прошла на шпионском поприще огонь, воду и медные трубы, могла заподозрить неладное. На первый раз мы решили действовать более осмотрительно.

Наш выбор пал на опубликованный в «Ниве» стишок малоизвестного поэта барона фон-дер-Розена «Снежинки».

По улице тихой
Мы вместе идем.
За снежною дымкой
Уж виден наш дом.

Окно наше светит
Звездою вдали,
Вечерние тени
На город легли...

В аннотации к стишку говорилось, что его автор ушел из жизни семнадцатилетним юношей, так и не успев до конца раскрыть свое поэтическое дарование. Стихотворение взято из его семейного альбома.

Это лирическое излияние вместе с аннотацией мы и решили переслать мадам Аре как образец литературы, которая не находит издателя.

Но, кроме стихов, надо было снабдить шефа чем-либо более существенным. Для нас это тоже не составляло никакого труда. В той же «Ниве» рекламировались подробные карты турецкого театра военных действий времен султаната:

а) Константинополь и его окрестности.
б) Карта всей Турции.
в) Босфорский пролив.

НИВА
1916 г. № 10
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ
XLVII г. изданія
ОБЪЯВЛЕНІЯ
СПЕЦІАЛЬНАЯ КАРТА
ТУРЕЦКАГО ТЕАТРА ВОЕННЫХЪ ДѢЙСТВІЙ
ПРЕДСТАВИТЕЛИ
Религіозно-патріотическая вокальная хрестоматія
ПРИ НЕВРАСТЕНІИ

Обложка журнала «Нива», из которого черпалась военная, экономическая и политическая информация для НТС.

Поскольку эти карты носили сугубо военный характер, мы были вправе донести во Франкфурт, что располагаем ценной стратегической информацией и можем ее выслать по первому требованию.

Когда схема донесения в общих чертах определилась, мы решили обсудить ее на заседании оперативного штаба.

— Какие будут мнения? — спросил Ягуар-101.

— Какие тут могут быть еще мнения? — сказала Мария Кирилловна.— Полностью утвердить!

Но едва мы разложили шифровальные принадлежности, как в дверях появился председатель месткома.

— Товарищи, товарищи! — укоризненно воскликнул он.— Все вас давно ждут, а вы тут заседаете!

Впопыхах мы забыли, что наша операция включена в план работы месткома и зашифровывать тайнопись мы должны на глазах у всего коллектива, чтобы наглядно продемонстрировать методы работы иностранных разведок.

Оперативный штаб в полном составе отправился в зал. Впереди с электрическим утюгом шла Мария Кирилловна, за ней следовала Таня. Мы несли копирку и карандаш.

Председатель месткома предоставил слово Ягуару-101.

— Вот этот листочек из школьной тетради,— сказал Ягуар-101,— и есть копирка для тайнописи. А это карандаш...

Ягуар-101 взял лист гладкой бумаги и, действуя строго по инструкции, аккуратно расстелил его на середине стола. Ягуар-102 наложил на бумагу копирку и вооружился карандашом из детского рисовального набора. Для того, чтобы копирка не ерзала по бумаге, Мария Кирилловна придерживала ее пальцем сверху. Таня стояла рядом с портфельчиком.

Когда все было готово, мы показали всем присутствующим бумагу с нанесенными на ней невидимыми письменами. Она сверкала незапятнанной белизной, и только с помощью горячего утюга можно было вырвать доверенную ей тайну — стих юного барона и обещание выдать военный секрет турецкого султана.

После того, как на страницу с тайнописью был нанесен невинный открытый текст, Таня схватила письмо и, помахивая портфельчиком, побежала на почту. Вскоре она вернулась, доставив новое письмо от мадам Ары. Вскрыв конверт, Ягуар-101, привычно прогладив листок, принялся читать его вслух.

Ара извещала нас, что швейцарская явка провалилась. Месье Марсель оказался не тем, за кого себя выдавал, и нам следует соблюдать всяческую осторожность.

«Открытый текст писем старайтесь писать измененным почерком,— наставляла мадам.— В письмах не давайте никаких персональных данных о себе, ставьте вымышленного отправителя и вымышленную подпись. Передвигаясь по городу, опасайтесь слежки КГБ. Чаще меняйте транспорт, обращайте внимание на поведение лиц, с которыми вы сталкиваетесь на лестнице и в подъезде».

— Пропади он пропадом, этот швейцарский лавочник! — разозлились мы.— Придется теперь начинать все сначала!

Редакцию наш штаб покидал в полном составе. В подъезде мы столкнулись с каким-то человеком в дубленке и пыжиковой шапке.

— Вы видели, как он посмотрел на меня? — всполошилась Мария Кирилловна.— Как серый волк на Красную Шапочку!

Мы подняли воротники и, втянув головы в плечи, метнулись в разные стороны...

Козни покойного барона

Провал швейцарского конспиративного адреса сулил нам кучу хлопот. Это непредвиденное обстоятельство грозило на неопределенное время нарушить наши контакты с Франкфуртом-на-Майне.

К счастью, все обошлось благополучно. «Шубе» все-таки удалось где-то на полпути перехватить наше шифрованное донесение. Об этом свидетельствовало полученное нами письмо.

«Ваш № 2 получили,— сообщала мадам Ара.— Письмо говорит о том, что вы правильно поняли свои задачи. Все, что вы сообщаете, очень интересно. Рады, что вам удалось создать боевой оперативный штаб типа «легкой кавалерии». Революционная ситуация назревает. Это, в частности, видно из присланного вами стихотворения. Мысли в нем интересные и в основном правильные. Стихотворение мы опубликовали. Правда, для этого над ним пришлось основательно поработать».

К тайнописи была приложена вырезка из распространяемого НТС нелегального листка. В аннотации к стихотворению теперь говорилось:

«Автор «Снежинок», семнадцатилетний студент одного из московских высших учебных заведений, пал жертвой тирании. Не пожелав мириться с существующими в институте порядками, он покончил жизнь самоубийством, так и не успев до конца раскрыть свое большое дарование. Публикуемое стихотворение является его протестом и политическим завещанием. В Москве оно распространяется в списках и прислано нам членами нашей подпольной организации «Сокол».

Само стихотворение теперь выглядело так:

По улице тихой
Мы вместе идем.
За снежною дымкой
Звезда над Кремлем.

Она нам не светит,
Не греет вдали,
Зловещие тени
На город легли.

Вот как! Этот покойный барон Розен оказался довольно каверзной личностью. Едва появившись за кордоном, он воскрес и ударился в политику!..

Однако мадам Ара тут же перешла к делам более существенным. Ее интересовала военная карта Турции, которую она просила выслать незамедлительно в любой из двух адресов: синьориты Розанжелы в Италии и норвежского фермера Ганса Холлера.

Но в «Шубе» думали не только о делах. Там позаботились и о том, чтобы сделать нам приятный сюрприз. Оказывается, выслать карту нам предлагалось не безвозмездно, а за вознаграждение в размере десяти западногерманских марок, которые уже были переведены на наш текущий счет в один из солидных иностранных банков. Помимо этого аккордного вознаграждения, нам сулили еще по полторы марки за каждую машинописную страницу донесения.

— Десять марок!— воскликнул Ягуар-101.— Сколько же это процентов от тридцати сребреников?

— Сколько процентов, я не знаю,— сказал Ягуар-102.— Но до сих пор мне казалось, что на подрывную работу там ассигнуют куда больше. Видимо, «Шубе» крепко подрезали финансы!

Деньги всегда являлись предметом алчных вожделений обитателей Зоссенхайма. Шуба-3 всегда подозревал, что его обманывает Шуба-2. Тот, в свою очередь, недоверчиво поглядывал на Шубу-1. Фунты, доллары и марки были таким яблоком раздора, перед которым оказалась бессильной даже «молекулярная теория».

Нам захотелось наступить «шефам» на любимую мозоль. Составив широкую программу нашего материального вознаграждения, мы отправили ее сразу в два адреса — итальянской синьорите Розанжеле и норвежскому фермеру Гансу Холлеру.

Ответ не заставил себя ждать.

«Ваши замашки достойны удивления! — восклицала мадам Ара.— Борцы за идею не должны цепляться за каждую копейку. И потом мы собирались выслать вам пачку жевательной резинки. И не местной, а настоящей — заокеанской! В общем-то, гонорар, конечно, символический, но не в нем дело...»

— Карта настоящая, а гонорар символический! — возмущались мы.

Наша несговорчивость явно ставила под удар репутацию непревзойденной мастерицы по обработке молодых умов. Даже державшийся в стороне от политики распорядитель финансов «Шубы», бухгалтер Вернгоф, к которому она обратилась за дополнительными субсидиями, не мог удержаться, чтобы не сделать в адрес Ширинкиной пары колких замечаний.

— Что-то вы в последнее время, мадам,— многозначительно глядя на нее поверх очков, сказал он,— все чаще заговариваете о деньгах. Сколько марок я вам вчера выдал?

— О майн готт!—оправдывалась Ширинкина.— Те деньги были на акцию «Епископ», а эти на акцию «Семинарист»...

— Знаю я эти акции,— махал рукой умудренный жизнью бухгалтер.— Можете мне поверить, что этот ваш юный герр с румяной рожей никакой не епископ, а самый обыкновенный бабник. А теперь у вас еще и семинарист! И вообще вы, по-моему, чересчур ударились в религию!

Задетая за живое Ширинкина взялась за дело с удвоенной энергией. Она старалась убедить нас, что их организация существует исключительно на добровольные пожертвования. Те, кто помогает делу солидаризма, не только не думают ни о каком материальном вознаграждении, но и сами оказывают ему бескорыстную помощь. В подтверждение она приводила список лиц, которые, не жалея собственных средств, содействуют подготовке революционного взрыва:

«Баронесса О. Штромберг — 10 марок.

С. Бодягин — 5 марок.

В. Афендульев — 3 марки.

Свободный чех — карманные часы «Павел Буре».

Русский из Италии — 4 марки.

Сын казака — 5 марок и настоящую казачью папаху.

Друг — бронзовый канделябр».

При этом мадам недобросовестно умалчивала о субсидиях, получаемых еще от одного жертвователя — Центрального разведывательного управления.

Подобное поведение Ширинкиной выглядело мелким, недостойным скупердяйством. Но мы решили не давать ей спуску и принялись изображать из себя матерых хищников.

«Современный молодой человек,— писали мы,— это не какой-нибудь фон-барон, а здоровый волк. Ему нужны деньги, и об этом не следует молчать. Жаль, что вы этого до сих пор не поняли и ведете себя необдуманно и стихийно. В общем, занимаетесь какой-то самодеятельностью, которая никогда не приводила к успеху. Для того, чтобы впредь нам действовать согласованно, давайте кончать разговоры и переходить к делу...»

Ощущавшие трепетное уважение к людям с волчьей хваткой, главари «Шубы» восприняли такую постановку вопроса с одобрением.

— Мне эти ребята определенно нравятся! — объявил шеф закрытого сектора Романов.— Кстати, кто дал этой «молекуле» кодовое название «Сокол»?

— Я! — горделиво шаркнул ногой старый служака «Интеллидженс сервис» Околович.

— Такова она, се ля ви,— печально вздохнул Поремский.—Я творец «молекулярной теории», идеолог солидаризма! А названия «молекулам» дает Околович! Нонсенс! Но такова она, се ля ви!

Романов и Околович снисходительно посмотрели на «идеолога солидаризма», которого за глаза все называли «Мозги набекрень».

— Наша сила,— продолжал между тем теоретизировать идеолог,— это сила! А вера в силу и идею, в ее силу и в свою силу...

— Да бросьте вы болтать! — оборвал его Околович.

— Пожалуйста! — мгновенно притих Поремский.— Разве я против? Пусть будет «Сокол». Пожалуйста.

Прошедший школу британской разведки Околович без лишних разглагольствований взял наше письмо и принялся его препарировать. Вскоре в одном из очередных номеров невзрачного эмигрантского листка появилось сообщение. Оно гласило:

«Секретный корпункт «Сокол». От нашего московского корреспондента. Автору 20 лет.

Мы, современная молодежь, достаточно хорошо поняли, какие задачи ставит перед собой НТС и какие требования он предъявляет нам. Жаль, что пока все идет стихийно и неорганизованно и еще не привело нас к конечным успехам. Для того, чтобы добиться успеха, надо кончать разговоры и переходить к действиям...»

Желая поощрить наше сотрудничество, «Шуба» вскоре уведомила нас, что наше продвижение по службе идет успешно. Теперь мы не только тайные агенты, но еще и секретные корреспонденты. На наш текущий счет в солидном иностранном банке начислен повышенный гонорар в размере пятнадцати марок. Кроме того, нам выслана ценная бандероль.

«Все остальное зависит от вас,— писала мадам,— постепенно ваши накопления будут расти, и со временем вы можете оказаться обладателями значительной суммы. А с деньгами на Западе можно сделать многое...»

В качестве вещественного доказательства тех благ, которые сулил Запад, перед нами лежали присланные из Франкфурта-на-Майне две пластинки с новейшими шлягерами, пачка жевательной резинки и портрет американской кинозвезды Одри Хэпбэрн.

Мы по привычке схватили утюг и прогладили обратную сторону фотографии. Из-под утюга полезли знакомые грязно-желтые буквы:

«Постарайтесь найти какого-нибудь моряка,— вещал портрет Одри,— бывающего в зап. европейских (некоммунистических) портах, с которым вы могли бы передать карту. На этот случай даю телефон... Ваш посланец называет себя Игорь Михайлович и просит передать Александру Александровичу, что прибыл, где находится, условия встречи и свои приметы».

Мы тут же составили ответ:

«Попали в поле зрения КГБ. Ощущаем постоянную слежку. Полагаем, что это результат вашей неосторожности со швейцарским лавочником. Связь временно прекращаем, переходим на нелегальное положение. Сокол».

Средь шумного бала

Это утро в Зоссенхайме началось с того, что к почтальону «Шубы» были применены превентивные санкции. Исправного служаку, добросовестно дежурившего на франкфуртском центральном почтамте в ожидании московской корреспонденции, внезапно вызвали в канцелярию, взяли расписку о неразглашении тайны и, намазав ему пальцы черной краской, сняли с них отпечатки.

— И смотри у меня, чтобы ни гу-гу! — строго предупредил шеф «закрытого сектора».

— Да какое может быть гу-гу,— обиделся почтальон,— когда я ни гуга не знаю. Мое дело — доставить айн бриф, и дальше хоть доннер веттер!

— Распишись! — сказал Шуба-1.— Вот здесь... Теперь мы найдем тебя где угодно, и тебе не поможет даже пластическая операция!

Но, несмотря на все предосторожности, слух о том, что московскую «молекулу» нащупало КГБ, все-таки распространился.

Первым опасность учуял всегда державший ухо востро Куркуль. Он незаметно пробрался в свою каптерку, где хранилось кое-что из заокеанских подарков, и стал готовиться к эвакуации. Набив до отказа два здоровенных кофра пиджаками, штиблетами и почти новеньким бельем, он поволок их в кусты у забора.

Но в тот момент, когда каптенармус, крякнув, подхватил один из кофров, чтобы перекинуть его через забор, задуманная им тайная акция была неожиданно пресечена. Охранявшая этот участок сторожевая овчарка впилась Куркулю в ногу острыми клыками, показав тем самым, что она не зря получает паек с американской базы «Общества друзей русской свободы».

Истошный крик Куркуля всполошил весь лагерь. Солидаристы Скорина и Чикарлеев, которые в эту минуту на четвереньках переходили «государственную границу», от страха зарылись в мягкую землю вспаханной полосы. Два других солидариста, плававшие в бассейне, поспешно стали карабкаться на берег, а сидевшие на суше в ожидании очереди без команды попрыгали в бассейн.

Бегство Куркуля удалось предотвратить. Но это только усугубило положение. В лагере началась паника.

Создавшаяся обстановка обеспокоила главарей «Шубы».

— Надо что-то срочно предпринимать,— сказал Романов.— А то они все до одного разбегутся!

В тот же день всех солидаристов перевели на казарменное положение. Их отпустили по домам всего на один час за тюфяками и подушками. В соответствии с разработанным планом охраны лагеря специальная группа особого назначения, вооружившись топорами и пилами, прошла вдоль всего забора и тщательно заколотила в нем все дыры. Сторожевых псов спустили с привязи. Эта мера должна была избавить отдельных малодушных членов организации от искушения приобщиться к царившей за забором мирской суете.

Однако суматоха, вызванная переводом лагеря на осадное положение, отвлекла солидаристов от мрачных мыслей всего на один день. Затем опять поднялась буза. Прекратились тренировки на «погранполосе», и даже под угрозой карцера никто не хотел прыгать в пожарный бассейн с холодной водой.

Когда все административные меры были исчерпаны, пришлось пустить в ход такое испытанное средство, как «идеологическая закалка». Под этим термином в «Шубе» подразумевались коллективные вылазки в ресторан и рейды по ночным увеселительным заведениям.

Возглавлял эти походы Поремский. Несмотря на преклонный возраст, «главный идеолог» сохранил похотливость мартовского кота, вкус к сальному анекдоту и аппетит к осьминогу под острым соусом.

Как правило, такие вылазки приурочивались к пасхе, рождеству, благовещению и другим религиозным праздникам. Как раз приближалось рождество.

Для предстоящего бала арендовали отдельный зал в ресторане «Мазурка». На лагерной проходной вывесили объявление:

«СЕГОДНЯ! ГРАНДИОЗНЫЙ ВЕЧЕР!
— танцы до утра —
в ресторане
«МАЗУРКА»
(малый зал)

РОЖДЕСТВЕНСКАЯ ЕЛКА

ВЕЧЕР:
— дружбы
— любви
— взаимопонимания
народов России
ЗАХВАТЫВАЮЩИЙ КОНЦЕРТ
БУФЕТ — РОЗЫГРЫШИ — ИГРЫ
ВСЕХ МИЛОСТИ ПРОСИМ!

При входе пожертвования принимаются с благодарностью.

Справки у господина В. Д. Поремского».

В целях конспирации хозяину «Мазурки» сказали, что его гостями будут туристы из Турции, тяготеющие к христианству. Владелец заведения, желая подчеркнуть свое гостеприимство, вывесил у входа флаг с полумесяцем и вышел навстречу гостям в красной турецкой феске с кисточкой.

На рождественский антураж в виде нарядной елки, украшенной зайчиками, снежинками и стеклянными шариками, никто не обратил внимания. Все сразу полезли к столу и схватились за бутылки. Пропустив по паре стаканчиков, сумрачные солидаристы повеселели и принялись выкаблучивать кто во что горазд. Кто-то прошелся вокруг стола вприсядку. Кто-то бодро затянул «Соловей, соловей, пташечка!..».

Поремский постучал вилкой по бокалу.

— Господа!— дожевывая кусок бифштекса, провозгласил он.— Сегодня за этим рождественским столом собрались наши лучшие силы! А наша сила— вера в идею, в ее силу и в свою силу...

— А я не боюсь! — неожиданно выкрикнул солидарист Чикарлеев, рванув на себе казенную рубашку.— Не боюсь чека, и все! Я в Белоруссии партизан не вешал! Я в Индокитае был! А вот ты!..

Чикарлеев обвел присутствующих взглядом, выбирая, на кого указать пальцем.

— Вот ты, гнида,— ткнул он в Куркуля.— Ты вешал! И стрелял! И ты, Околович, вешал! И ты, Поремский, тоже сиди со своей идеей!

Личный телохранитель «главного идеолога» Дзамболат, чтобы разрядить обстановку, включил на полную громкость радиолу и объявил конкурс на лучшее исполнение танго и твиста. Но даже мощная радиола не могла заглушить чей-то голос:

— Это у чекистов айн, цвай, драй — и в каталажку! Одного даже в Австралии заграбастали!.. Вот выйдешь за дверь, а они тут как тут!

Пьяный Чикарлеев поднялся со стула, чтобы облобызать своего дублера по переходу границы Скорину.

Скорины за столом не было.

— Санька! — заорал Чикарлеев.— Санька, где ты?

— Что, нету твоего Саньки? — сказал специалист по Австралии.— Нету? А я что говорил! Айн, цвай, драй — и битте-дритте, майн либер!

Обследование всего ресторана, в том числе клозета и гардероба, ничего не дало.

Солидарист Скорина исчез бесследно.

Швейцар ресторана, краснощекий пруссак, после настойчивых расспросов сказал, что он видел, как два каких-то господина вели под руки к автомобилю третьего. Но был ли этот третий турецким гостем эфенди Скориной — швейцар утверждать не мог...

Окончание в следующем номере.

— ...И все-таки, наверное, мы балуем его!..

Рисунок Г. АНДРИАНОВА

Аврал в «Лифторемонте».

Рисунок Е. ГАВРИЛИНА

Владимир ПОЛЯКОВ

ГРАФОЛОГИИ—«ЗЕЛЕНУЮ УЛИЦУ»

Опыт научного исследования

Определение характера по почерку не ново. И все же этим мало занимаются. А между прочим, исследовательские работы в этой области дают удивительные результаты.

Каждая буква в почерке человека имеет свое характерное лицо. А ряд букв — особенно выразительное.

Так, с нажимом выведенная буква «я» выразительно говорит о себялюбии, буква «о» — вообще о многом, буква «у» предполагает злобу и любовь к скандалам, «э» показывает склонность к равнодушию, а жирный восклицательный знак скрывает болтуна и демагога. Многоточие свидетельствует о скрытности, неровный почерк о нездоровых нравах, частые помарки выдают душевные сомнения, а каллиграфический почерк говорит об аккуратности в жизни.

Желая привлечь внимание общественности к этому виду исследований, привожу несколько наглядных примеров:

Анна Михайловна встречается с нашим главбухом!
— пытливый ум.

Выслать 100 рублей не смогу
— эгоист.

Оля, купи в гастрономе твердокопченой колбасы и граммов 200 красной икры
— комик.

Люба Б.—228-338. Люба К.—224-546. Люба И.—24-11-12
Люба Ф.—25-29-40. Люба Р.—41—41—14.
— однолюб.

Не забыть 14-го сходить в баню
— перестраховщик.

16.10.69 г. был в столовой. Опять ел тефтели
— гурман.

Нюра, я тибе очинь люблю!
— поэт.

На литерат. встрече видел поэта Тюлькина. Чем-то напоминает Блока.
— идиот.

Изучайте почерки!

Рисунок А. ЦВЕТКОВА

ОЧЕНЬ НАГЛЯДНОЕ ПОСОБИЕ!

В один прекрасный прошлогодний день, когда Крокодил только сколачивал свой Стол находок, а Свердловск лежал в рыжем наряде осени, на улице Народной воли чудесным образом стал на прикол этот совершенно новенький грузовик.

Шофер таинственно куда-то исчез. А грузовик все стоит. И где стоит! Напротив парадного подъезда Института народного хозяйства!

«Представляете, какое прекрасное наглядное пособие к лекциям о бережном отношении к народному добру получили тем самым преподаватели института?! — пишет в Стол находок слушатель Свердловской высшей партийной школы А. Ерофеев.— Ведь буквально на глазах у них и студентов гибнет добро: коррозия ест металлические части, гниет резина, облезает краска. Но никто не ищет хозяина гибнущего грузовика».

Это-то, товарищ Ерофеев, нам как раз понятно. Жаль, видимо, институту расставаться со столь убедительным наглядным пособием!

СЕРЕНЬКИЕ КОЗЛИКИ

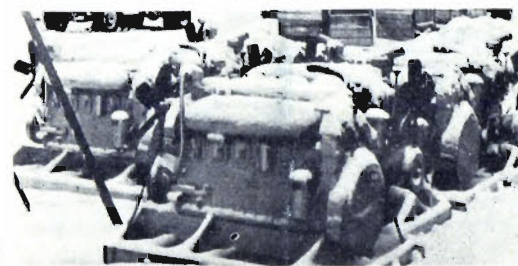

Взгляни, читатель, на этого стального коня. Отработался, отпахал, трудяга.

В столь трагикомическое положение, как сообщает в Стол находок читатель В. Щукин, поставила его задняя полуось: сломалась на уборочных работах. И стоит с той поры калека в Тихорецком районе, Краснодарского края, позабытый-позаброшенный руководителями колхоза «Заря коммунизма».

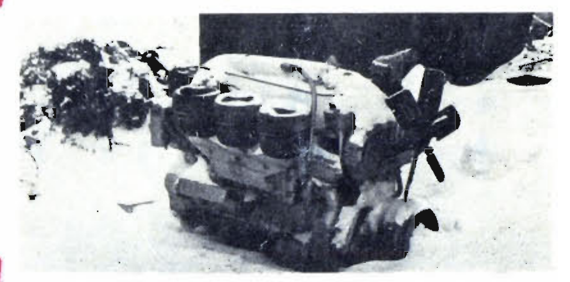
Администрация Стола находок считает своим долгом предупредить руководителей колхоза, что если срочно не поставить трактор на ноги, то к началу весенне-полевых работ его может постигнуть та же участь, что одного хорошо известного серенького козлика.

Тому есть пример.

Смотрите, как хранится техника, в частности двигатели «ЯАЗ-206», на Михайловском горно-обогатительном комбинате Курской области.

Как видите, полнейшая доступность для атмосферных воздействий и загребущих рук потрошителей. Вот пример, как вполне цивилизованные волки «раздели» один из двигателей.

ОПАСНЫЙ ПРОСПЕКТ

В наш Стол находок угодил целый городской проспект.

Стремясь скорее отрапортовать об успехах, строители «Гордорстроя» Целинограда поторопились со сдачей в эксплуатацию проезжей части проспекта Победы. Как информирует нас целиноградец и очевидец М. Ризаев, вот этот самосвал одним рывком перечеркнул победный рапорт. Он взял и нахально провалился в котлован, изящно прикрытый новеньким асфальтом.

Проспект, понятно, пришлось срочно перекрыть для основательного ремонта.

Воспользовавшись этим обстоятельством, строители СМП-49 треста «Казахтранстехмонтаж» живо проложили поперек проспекта трубопровод. А второпях опять же засыпали его кое-как, по методу своих предшественников. В итоге в проспекте завяз даже этот богатырь.

Вадим ПОЛУЯН

Телеграфная лихорадка

«В нашу районную редакцию почтальон принес телеграмму. В ней говорилось, что коллектив Семеновского ремонтно-механического завода выполнил план. Стоило ли тратить на телеграмму 4 рубля 87 копеек, когда завод виден из окон редакции?»

(Из письма И. Мельникова, г. Семенов, Горьковской области)

В копеечку влетала связь
баронам или графам.
Бедняги, на балах резвясь,
не знали телеграфа.
Пугал пространственный барьер,
лесной, речной, овражный...
Пустил курьер коня в карьер
и пал от пули вражьей...
Вестимо, весть была важна.
Не слать же курам на смех:
«У принца новая жена,
а у княгини насморк!»
Войска ли в битве полегли,
бежал ли в страхе ворог,
гонца на крайность берегли:
овес тогда был дорог.
Так жили предки в темноте,
пиша депеши вязью...

Сегодня времена не те:
все пользуются связью.
По-графски не корпит главбух
над строчкой филигранной.
Он дочке поздравленье — бух! —
служебной телеграммой!
Директор — «молнию» сестре:
«Шлю крепдешин на платьице».
И — к секретарше: «Побыстрей!»
А фабрика расплатится.
Да не за тридевять земель —
к соседу адресуется:
«Как детки?» ли,
«Привет семье!» ль,—
морзянкой,—
через улицу!
Таким бы счетчик преподнесть:
— Платите, уважаемые!
Чтоб не читать о свадьбе весть
на бланке «Урожайная».

РАЙПОТРЕБСОЮЗ Свердловского района Луганской области

Парторгу

Правление Свердловского райпотребсоюза напоминает Вам, что согласно разнарядке райкома партии, Вам выделена Луганская область мест и сел в количестве 2 экз.
Просьба получить выделенную Вам Луганскую Область райкомом партии, с базы райпотребсоюза до 15 января 1969 г.
В случае неполучения Вами Луганской области до 15 января будет доложено секретарю райкома партии.

Товаровед Свердловского рпс [подпись] /Королева/

Прислал А. Петров, Ворошиловградская область.

тов жильцы!
У кого протекают швы повесьте объявлени на стекло окна. Если протекают с двух сторон, то повесьте объявления на обе стороны. Укажите номер квартиры
ЖЭК-12

Доставила группа жильцов: Москва, Ясный проезд, ЖЭК-12.

Бузаров, В В
Безалкогольные побудительные предложения в современном разговорном английском языке. Автореф. дисс. на соискание учен. степени. канд. филол. наук. Л., 1969.
21 с. (Ленингр. гос. пед. ин-т им. А. И. Герцена. Кафедра англ. филологии).

А № 18865 [69-76046]
13 № 640
Вс. кн. пал. 27 VIII 69 Б904

Можете себе представить, как заинтриговала меня библиографическая карточка! Но автор диссертации разочаровал. Он писал не о «безалкогольных побудительных предложениях», а о «безглагольных...».

А. МОРОЗОВ, г. Новосибирск.

ПОВЕСТКА

Гр. Князеву В.М. „О борьбе с наруш. уличн. движения"
Административная комиссия Лучковского сельского Совета вызывает на заседание в качестве докладчика которое состоится в Дом культуры "18" декабря 1969 в 10 часов. Если не явитесь без уважительной причины, то дело будет рассмотрено без вашего присутствия.
Председатель комиссии: [подпись]

Прислал В. Князев, село Лучки, Приморского края.

1969 г.
Разовый талон
направо проезда
в эусботва
5 коп.
Зак. 839

Доставил А. Куденко, г. Харьков.

Ростовский областной союз потребительских обществ
ОТДЕЛ ТАРЫ
28 января 1970 года
№ К-11/9

Завторгу райпотребсоюза

Для ремонта деревянной тары, Вам выделены на 1970 год:

Гвозди 40 и 50 мм	—
Лента металлическая	—
Плакаты "Берегите тару"	25

Просим получить наряд в отделе материально-технического снабжения облпотребсоюза.

Начальник отдела тары [подпись] /Мужиченко/

Прислал А. Петров, Ростовская область.

М. ЛЬВОВСКИЙ,
специальный корреспондент Крокодила

НАУЧНАЯ УХА

На утренней зорьке в камышах засел браконьер. Всякий раз, метнув трезубец, он тут же тянул его обратно и подскакивал от полноты чувств:

— Есть!

Вдруг вдали показался баркас. Сердце браконьера упало, потому что в пору весны, любви и категорического запрета лова это могла быть только рыбинспекция. Но, внимательно присмотревшись, он увидел, что судно осело ниже ватерлинии, и понял: плывут его более удачливые коллеги. Они гребли, не таясь, так, что плеск был слышен на противоположном берегу Каховского водохранилища.

— Привет! — воскликнули далекие родственники.— Эй там, на берегу, поймал леща?

— А как же, семь штук! — гордо ответил человек, засевший в камышах.

На баркасе залились дружным смехом: у них лещи трепыхались выше бортов!

Тут вдали показалось еще одно судно. На сей раз это была действительно рыбинспекция. Она прервала содержательный диалог, без лишних слов задержала поймавшего семь лещей браконьера и спросила у гребцов:

— Ну, а вы что тут делаете?

Гребцы переглянулись и гордо ответили:

— А мы от УкрНИИРХа!

Услышав волшебное слово, рыбинспекция вежливо взяла под козырек. Баркас ушел, блестя живым серебристым грузом.

А вот что означает таинственное и не совсем удобопроизносимое слово УкрНИИРХ, читатели, вероятно, еще не знают. Я бы тоже не знал, кабы сведущие люди не надоумили.

— УкрНИИРХ,— разъяснили они,— это Украинский научно-исследовательский институт рыбного хозяйства. А под козырек инспектора взяли потому, что никак нельзя было иначе: идет научный лов!

...Каждый год, в начале марта, как только наступает эта самая пора любви и категорического запрета, сотрудники института испытывают неодолимое томление. Научный долг зовет их на юг. Отбросив будничные заботы, они упаковывают чемоданы, плавки, журнал наблюдений, острый нож и бегут в Укррыбвод, к главному рыбинспектору республики Владимиру Антоновичу Кропивницкому.

— Дайте, пожалуйста, разрешение!

— На сколько сетей? — интересуется Владимир Антонович.

— Да так штук на четыреста! — от своего имени и от имени еще трех коллег отвечает научный сотрудник Ващенко.

— А волокуши разве вам не нужны?

— Давайте и волокуши!

— А тралы?

— Давайте и тралы!

Имея на руках лицензии (№№ 33, 37 и 38), исследователи садятся на самолет и отбывают к берегам благословенного Каховского моря, где их уже ждут с распростертыми объятиями представители рыбколхозов. Гости идут нанимать подходящую хату, а представители рыбколхоза, не теряя даром времени, снаряжают упоминавшийся баркас и держат путь прямо туда, где рыба мечет икру,— в Дудчанский затон или в Рогачинский лиман.

Вернувшись с богатой добычей, рыбаки из малой части ее варят традиционную уху, которая в данном случае называется научной. Над остальным уловом, засучив рукава, склоняется посланец института, вооруженный острым ножом. Он замеряет рыбину, взвешивает ее, потрошит, берет кровь на анализ и попутно записывает параметры в журнал.

Здесь я хочу на минутку остановиться и подчеркнуть со всей силой, что не являюсь хулителем научных опытов. В наш век прогресса отрицать эффективность научного поиска просто смешно. Исследования в рыбном хозяйстве необходимы — да здравствуют исследования! — поскольку они помогают сделать правильный прогноз, уточнить запасы, определить видовой состав. Короче, они служат бурному воспроизводству рыбьего стада.

Однако вернемся к исследователю, склонившемуся над уловом, и поинтересуемся производительностью его труда. Предположим, что он работает от зари до зари без перерыва на обед и завтрак. Сможет ли он замерить, взвесить, распотрошить — вообще, обработать полный баркас рыбы? Нет, ему не справиться и с десятой частью «материала». А остальное? Остальное — это, так сказать, плановые «отходы», ихтиологическая стружка.

Статистика дает нам неутешительные сведения о суммарном валовом улове. Выясняется, что четыре ихтиолога во главе с тов. Ващенко, действовавшие прошлой весной вблизи Никополя, выловили 150 центнеров рыбы самых ценных пород. А столько же ихтиологов во главе с тов. Денисенко, действовавшие вблизи Запорожья, перекрыли и этот высокий показатель, выловив 760 центнеров!

Чувствуете, каких размеров получилась «научная уха»! Еще не сработан котел, в котором можно было бы сварить такую.

А ведь на этом счет лицензиям не исчерпывается. В. А. Кропивницкий нескудеющей рукой выдает их экспедициям, выезжающим и на иные водоемы республики.

Что же получается? Вместо будущего бурного воспроизводства получается — да простит меня всемогущий УкрНИИРХ! — самое настоящее истребление стада. Благородная цель института, стоящего на страже рыбных запасов, вступает в явное противоречие с вульгарным практическим результатом.

И, оказывается, неспроста. Тут есть свой тайный смысл. Считается, что количество, так сказать, переходит в качество. И вес рыбы — в научную весомость исследования. Когда молодой ученый будет защищать диссертацию, он скажет:

— Было переработано до десяти тонн рыбы!

И оппоненту нечем будет крыть.

Остается выяснить еще один, может быть, самый интересный вопрос исследовательской эпопеи: почему все эксперименты проводят весной, во время нереста?

Тут нет никакой лирики — одна проза. Все очень просто. У научных сотрудников нет своей производственной базы — ни снастей, ни рабочей силы, ни плавсредств. А в мае месяце — запрет, а в мае месяце — у рыбколхозов вынужденный простой...

Вот обе стороны и заключают между собой джентльменское соглашение: «Ваши лицензии, наш подряд».

Улавливаете глубинный смысл «научной ухи»?

Она выгодна УкрНИИРХу, потому что позволяет ему добыть «материал».

Она выгодна рыбколхозу, потому что дает возможность в запретный период выйти в море и перевыполнить план (весенний «вал» пойдет в счет будущей летней путины).

Она выгодна вышестоящему рыбкомбинату, потому что можно загрузить сырьем рыбозавод...

И все довольны. И всем хорошо.

— Я отлучусь на минуту в цех, табель повешу.

Рисунок А. ГРУНИНА

— У нас на почте завалялось какое-то письмо. Посмотрите, не вам?

Рисунок М. ВАЙСБОРДА

— Часть рабочих перебрось на этот подъезд, здесь уже пора начинать капитальный ремонт!

Рисунок Ю. ЧЕРЕПАНОВА

Марат КАРИМОВ

СВЕРРУЗА И БАРССВИНУЗА

Рассказ

Сверруза — это малоизвестное полевое растение, которое получено путем скрещивания непритязательной свербиги (так называется сорная трава) с банальной кукурузой. Мне это хорошо известно, потому что я работал как раз в том отделе районной газеты, которому было предписано усердно пропагандировать эту самую культуру.

Хотя, должен признаться, я ее никогда и в глаза не видывал. И не только я. К кому ни обратись, всяк недоуменно пожимает плечами и странным взглядом окидывает тебя с головы до ног. Озадаченный этим обстоятельством, я как-то решил спросить у своего заведующего отделом:

— Садрый ага, что же это в конце концов такое?

Он побагровел от злости и яростно зашептал:

— Чушь собачья, вот что это! Какой-то горе-ученый, чтоб ему ни дна, ни покрышки, почесал себя там, где не чесалось, и вывел эту идиотскую сверрузу. А другой из каких-то своих соображений похвалил новатора. Подхалимов ведь, как известно, не сеют, они сами великолепно растут. Вот мы и должны теперь доказывать, что сверруза — это открытие века, что она обеспечит крутой взлет всего животноводства. Людей-то еще можно околпачить, а коров, телят и овец — ни в какую! Не жрут они эту ботаническую диковинку, и точка!

Ответ его до крайности удивил меня.

— Тогда зачем же мы трезвоним о ней?

— Молод ты еще, мало в жизни смыслишь. А жизнь — она ой как сложна! — отечески покачав головой, молвил Садрый ага.— А сейчас пойдем, шеф вызывает на ковер.

Редактор сидел за столом и прихлебывал из стакана чай.

— Дело дрянь,— сказал он.— В колхозах на сверрузу смотрят волком. То есть проявляют махровый консерватизм. Завтра же поезжайте по деревням. Захватите с собой как можно больше номеров газеты с моей передовицей. Помните заголовок? «Сверруза кладет на лопатки даже кукурузу».

Садрый ага с энтузиазмом воскликнул:

— Золотые слова и вовремя сказаны! Как нам самим не пришло это в голову! Тут же запишем!..

— И привезите отборный экземпляр сверрузы,— продолжал редактор.— Надо хоть знать, что мы пропагандируем.

— Превосходно!—восторженно приподнялся Садрый ага.— Связь теории с практикой!

— В целях наиболее эффективной пропаганды передовой культуры, то есть сверрузы,— закруглился редактор, пропуская мимо ушей подобострастную реплику,— предлагаю изменить ваши псевдонимы. Твой,— он ткнул в Садрый ага,— будет Сверрузин. А ты,— указательный палец шефа уперся в меня,— отныне Сверрузов.

Садрый ага вскочил, словно подкинутый катапультой.

— Идея! — крикнул он восхищенно.— Великолепно! Лучше и не придумаешь!

Мы вышли из кабинета, и тут с моим завом произошла любопытная метаморфоза. Лицо его вдруг презрительно исказилось, а лист бумаги, исписанный «золотыми словами», разорванный на мелкие клочья, полетел в урну.

— Что вы делаете? Это же мудрые указания шефа!

— Бред, а не указания,— спокойно произнес Садрый ага.— Мой карман не мусорный ящик для всякой дурацкой дребедени.— Он иронически усмехнулся: — Хе!.. Сверрузин... Додумался! Пусть берет себе сам этот псевдоним, коли так нравится!..

Возвратясь из командировки, мы с радостью узнали, что наш отдел сверрузы приказал долго жить.

— Сверруза сыграла свою положительную роль,— не без патетики констатировал редактор.— На нынешнем этапе разрабатывается идея скрещивания свиньи с барсуком, в результате чего будет выведен перспективный вид мясного скота, называемый барссвинузой. Наша боевая задача, как и всегда,— всемерно поддержать новаторский почин. Потому мы решили создать в газете специализированный отдел барссвинузы. С сегодняшнего дня вы оба переведены в новый отдел.

Садрый ага вскочил, словно ужаленный:

— Золотые слова! Грандиозно!

— А псевдонимы ваши,— продолжал редактор,— э-э-э...

— Барссвинузин! — поспешно подсказал Садрый ага, приходя шефу на помощь.— А он Барссвинузов!..

...Садрый ага давно уже не работает в газете. Шеф тоже ныне не у газетных дел. Только я, грешным делом, изредка пописываю. Однако годы работы в той газете выработали во мне не совсем похвальную привычку: как возьмусь за перо, так обязательно напишу то, чего не было и быть не могло. Вот и с этим рассказом вышло так же.

Не верите? Как хотите. Дело, как говорится, читательское.

Перевод с башкирского С. САФИУЛЛИНА

В. НАДЕИН, специальный корреспондент Крокодила

Так про что это мы?..

Что же я хотел сказать? Что-то такое не сенсационное, но все-таки важное. Я приехал к председателю колхоза «Маяк коммунизма» Петру Михайловичу Полтавцу специально для того, чтобы сказать, что я очень... То есть, нет, не я, а он очень... Или даже не он, а все мы очень...

Впрочем, извините, не помню. Память одряхлела. Курю много. Физзаряжаюсь нерегулярно. Все-то и сказывается. Теперь вот надо писать фельетон, а самое главное как раз и не удержалось. Положеньице, а?..

Ладно, без паники! В таких случаях главное (это я еще помню) — взять себя в руки. Беру! Надо восстановить события в хронологическом порядке. Восстанавливаю!

...Прекрасна кладовая одного из преуспевающих колхозов Полтавщины, «Маяк коммунизма»! Какими только дарами не вознаградила ее прохладные полки щедрая земля! На лоснящихся жиром веревках висит тяжкая шеренга бронзовых окороков. В углу сказочным золотым омутом мерцает бочка душистого меда. Круги любовно прокопченных колбас лучатся, как нимбы, временно сданные небожителями на хранение. Из громадных ящиков кокетливо выглядывают румяные щечки яблок. А смушки, дивные шелковистые смушки с серебряными переливами! Так и смотрел бы на них, глаз не отрывая, кабы властно не переманивали к себе взгляд благородно фосфоресцирующие параллелепипеды сливочного масла...

И едва войдешь в эту кладовую... Нет, скажем по-полтавски — в комору! Едва сунешься в эту изобильную комору, как охватят тебя неземные запахи свежести, процветания и щедрого деревенского бытия. И тут же подойдет к тебе симпатичный коморник, который вежливо скажет:

— Громадянин, сюда неможна! У нас такой порядок, что...

Вспомнил! Конечно, вспомнил! Я приехал к Петру Михайловичу специально для того, чтобы сказать:

— У вас везде такой порядок, что...

А что — что?.. Забыл! Потому — курю много. Говорят, если по лесу походить,— помогает. Я б пошел, только кто фельетон писать будет?

Ладно, закурим и пойдем дальше.

— У нас такой порядок,— объясняет коморник Микола Ракович,— что без бумажки от Петра Михайловича, нашего головы, никакой продукции не выдаем.

Да, это святая правда. Если вы хотите получить 10—12 килограммов меду в свою посуду, то надо, чтобы Петр Михайлович на рваном клочке бумаги написал: **«Микола. Налей в эту посудину 10—12 кг меду».** Подпись необязательна, Микола и так нальет.

Впрочем, если вы хотите получить не сами, а через своего шофера,—не беда. Петр Михайлович чуть-чуть изменит форму послания: **«Микола. Дай цему шоферу белой муки 30 кг».** Или: **«Микола. Дай цему шоферу мяса 8 кило».**

А ежели имеется у вас приятель (рангом повыше или пониже), то достанется вам такая записка:

«Ніколай
Мясо ягнят — 2 шт.
Яичек 150 (100 + 50 — на двоих)
Масла 1 + 2 кг
Сала 3 кг
Мяса 4 кг
Смушек серых — 2».

Тут кстати заметить, что Петр Михайлович руководит крупным колхозом, человек он занятый, дел уйма, и это заставляет его быть предельно лаконичным. Поэтому, если вы личность по-настоящему интеллигентная, а не какое-нибудь высокомерное мурло, то, получив тетрадный обрывок, на котором нет ничего, кроме:

«Ягнята 3
Сала 3
Меду 3
Масла 2
Яичек 100»

не обижайтесь. Не следует также лезть в бутылку из-за того, что у записки измяты углы. В конце концов не красна записка углами, а красна, так сказать, яйцами. Кроме того, практика показала, что любое слово, написанное почерком Петра Михайловича, имеет на территории колхоза магическую силу. Так что стоит вам предъявить газетный обрывок, на котором начертано: **«Коровник — 1»**, как вам тут же завернут четырехрядный коровник и аккуратно уложат в багажник автомобиля.

Только насчет коровника я ничего конкретного не помню. Память у меня в последнее время пошаливает. Что же касается яичек и прочего меда, тут проще. Тут я из документов переписываю. А вот когда начинаешь...

Стоп! Ну, конечно! Как же это я, растяпа, сразу не вспомнил?!

Я приехал к Петру Михайловичу специально для того, чтобы спросить:

— А не нагорит ли вам, многоуважаемый председатель, если в один прекрасный день все ваши записки попадут в чьи-нибудь руки?..

Нет, не то! Безусловно, не то! Какие уж тут могут быть «если»? Так ведь оно и было, что в один прекрасный зимний день все 196 записок попали в руки следователей из Полтавского областного ОБХСС. Но ведь Петр Михайлович ни капельки этого не испугался...

Не помню, говорил ли я уже вам, что вежливый и исполнительный коморник Микола Ракович был изрядным хапугой? Нет?.. Извините! Так этот Микола отправил несколько машин зерна в Великобагачанскую райзаготконтору. А директор конторы Василенко оформлял это зерно так, будто бы его купили у отдельно взятых колхозников. В результате этих операций Министерство финансов УССР не досчиталось почти двадцати тысяч рублей. Но министерство об этом ничего не знало. Это уже потом ему сообщили из милиции.

В первые часы после ареста Микола чем-то напоминал меня. Память у него начисто заклинило. Горько принюхиваясь, он бродил между пахучими связками колбас, и темное зеркало меда отражало его иконноскорбные глаза. На все вопросы следователей о причинах недостачи коморник отвечал быстро, но одинаково:

— Чтобы помнить, так не помню...

После чего, приложившись к носовому платку, издавал тоскливый трубный звук, будто пароход, заблудившийся в тумане.

И лишь поздним вечером, когда стало ясно, что сигналы бедствия остаются безответными, из Миколы потекли ценные воспоминания.

— Так ведь у меня записки имеются. От головы!

— Да, содержательные бумажки. А кто эти продукты брал?

— Кто же их не брал?! На «волгах» брали. На «газиках» брали. Пешком брали. Некоторым шофер головы отвозил.

— Конкретнее.

— Скажу, все скажу.

Но бедный коморник так разволновался, что допрос решили продолжить утром. А наутро прибыло распоряжение от областного прокурора тов. Дунца. В распоряжении констатировалось: замела метель дорожки, запорошила; автотранспорт, преодолевая заносы, перерасходует бензин. В этих условиях нецелесообразно гонять машины из райцентра в село и обратно. Да еще из-за одного-единственного подследственного. Лучше уж посадить его в КПЗ прямо в селе. Но поскольку никакой КПЗ в селе нет, а строить ее из-за одного-единственного подследственного тоже нецелесообразно, надобно Раковича покедова выпустить. Сквозь пургу не убежит!

Я уж не помню, что именно сыграло решающую роль: мудрая ли экономность прокурора, или то, что обжалованию его приказы не подлежат. Но помню твердо, что Миколу выпустили.

А к следующему допросу коморник все напрочь забыл. Лично я полагаю, что это метель на его слабую головушку так подействовала.

Тогда решили пригласить на собеседование самого Петра Михайловича.

— Вы писали записки?

— Я.

— Для кого предназначались продукты?

— Не помню.

— То есть как не помните?

— А вот так: не помню!

— В таком случае мы вас...

— Что вы меня?..

— Гм, извините. Ничего.

И в самом деле, что может сделать милиция, если Петр Михайлович — депутат областного Совета? Ровным счетом ничего! Впрочем, простите, забыл. Она может написать обоснованное представление в соответствующие органы с тем, чтобы нарушившего закон депутата срочно отозвали в ряды необлеченных граждан.

А шла как раз избирательная кампания. Избирали в местные Советы. В областных и районных организациях лежали многостраничные милицейские представления, в которых подробно описывались деяния Полтавца.

Но в Полтаве этого представления даже не рассматривали. Петра Михайловича просто не внесли в списки областных кандидатов.

Не обсуждали представления и в райцентре. Там просто развернули работу за избрание Полтавца депутатом Великобагачанского райсовета.

Так что к тому времени, когда пришла очередь реагировать на выводы следствия, Петр Михайлович опять был при мандате. И председатель Великобагачанского райисполкома Ф. Максименко решительно отверг домогательства милиции. По тем веским причинам, что в колхозе под руководством Петра Михайловича коровы доятся выше среднерайонного. И что он сам выступает с лекциями перед трудящимися. И еще, что он пользуется авторитетом, поскольку...

Одну минутку, позвольте для точности заглянуть в документы. Где здесь это «поскольку»?.. Гм, нет... Нет никакого «поскольку». Просто «пользуется авторитетом». И точка.

Снова пригласили в милицию Полтавца.

— Может, все-таки вспомните, кто продукты увозил? Вот у вас на некоторых записках даже инициалы получателей: «П. П.», «В. М.», «М. С.», «Ю. М.», «Ив. Ив.». Теперь вспоминаете?

— Нет. И уже никогда не вспомню. Мне не вспоминать, мне руководить надо.

— Но так дела не закроешь. Мы обязаны найти того, кто все это съел.

— Ну, хорошо, я, я съел! Устраивает?

— Однако аппетит у вас...

— Не жалуюсь. Кушаю на свои.

И Полтавец одним махом прекратил расследование, выложив на стол пять тысяч рублей. Сразу воцарились мир и тишина...

Наконец-то! Наконец я вспомнил, что хотел сказать Петру Михайловичу:

— Все хорошо, что хорошо кон...

О память, память, что ты со мною делаешь! При чем тут «хорошо кон...», если несчастные Ракович и Василенко осуждены на шесть лет каждый? При чем — если у них конфисковано в общем 5 938 рублей? И если миргородские служители Фемиды так и не обратили внимания на их мотивированные показания о том, что вдохновителем махинаций, более того, самым заинтересованным материально лицом был сам Полтавец?

Не помню, говорил ли я вам, что осужденные Ракович и Василенко были довольно порядочными людьми? Упустил?.. Извините. Недаром же их освободили буквально через несколько месяцев.

Передо мною лежит копия постановления о прекращении уголовного преследования. Я сейчас его кратко изложу. Правда, вы ничего не поймете. Но не смущайтесь. Нас много таких, кто ничего не понял. Очевидно, так надо. Тем не менее прошу внимательно впитывать логику постановления.

Итак, Полтавца не судили, поскольку он «пользуется авторитетом». Но Василенко и Ракович утверждают, что воровали под руководством Полтавца. Однако если бы они действительно воровали, то Полтавец не пользовался бы авторитетом. А поскольку он им пользуется, то никто ничего не воровал. Следовательно, вопрос исчерпан.

— Вопрос исчерпан!

Именно так вполне категорически заявила первый секретарь Великобагачанского райкома КП Украины Нина Васильевна Чуб в ответ на мой вопрос...

Впрочем, нет, сначала вопросов не было. Справедливо не полагаясь на свою память, я выписал на бумажку, сколько и какой продукции уплыло из колхозной коморы по запискам Полтавца. Получилось: муки пшеничной — 1 400 кг, мяса — 500 кг, сала — 400 кг, масла сливочного — 200 кг, меда — 200 кг, гречневой крупы — 780 кг, сахара — 150 кг, яиц — 9 тысяч шт., масла растительного — 240 кг, ну там смушки, несколько сот арбузов и прочая витаминная снедь.

Этот список я и положил на стол Нины Васильевны.

— Позвольте! — удивилась она.— Ведь вопрос исчерпан! Товарищ Полтавец за все уплатил.

— Заплатил-то он. А кто съел? Почему райком не потребовал, чтобы Полтавец прямо, без увиливаний назвал фамилии вымогателей?

Ответ первого секретаря райкома я помню очень хорошо. Она сказала:

— Не помню.

И, помолчав, добавила:

— Но вы все же учтите, что Петр Михайлович пользуется большим авторитетом и как член бюро райкома и как...

Ура! Трижды ура! Вспомнил! Окончательно вспомнил!

Я приехал к Петру Михайловичу специально для того, чтобы сказать:

— Поздравляю вас с недавним избранием в состав республиканского Совета колхозов!

Да, именно это было моей главной целью!

Только зачем это мне нужно было?..

И вообще, о чем это мы?..

Ах да, о памяти. Не бережем мы, граждане, свою память. Курим много. Эдак и вдрызг прокуриться недолго.

Полтавская область.

— Эта моя сотрудница каждую секунду готова выскочить замуж!

Рисунок Е. ГОРОХОВА

Г. ПЕРОВ

УЖАСНЫЙ СЛУЧАЙ

Я в одном из прелестных лесных уголков
Обнаружил плакат: «Истребляйте волков!»
А потом на лужайке устроил привал
И в научном журнале статью прочитал.
Автор жаждал читателей предостеречь,
Что волков всеми силами надо беречь.
И тогда я (пускай мне простит Михалков!)
Крикнул: «Бейте волков! Берегите волков!»
Еще крик мой безумный в лесу не умолк,
Как внезапно из зарослей выскочил волк.
Я схватил колбасу, быстро вскинул ружье,
Разрывалось на части сознанье мое.
«Истребить!» — Стоит только нажать на курок.
«Уберечь!» — Пожирней надо бросить кусок.
Волк смотрел на меня, я на волка смотрел.
Я не знал, что мне делать...
И он меня съел.

— В стену будущей столовой мы закладываем книгу жалоб. Она будет извлечена по первому требованию посетителей!

Рисунок В. СОЛОВЬЕВА

МИМОХОДОМ

Разве цивилизованные люди когда-нибудь позволяли себе убивать друг друга не самым современным оружием?

Карьерист всегда оказывается впереди лошади, которая его вывозит.

Недостатки любят, чтобы с ними мирились.

Воздушные змеи невесомы, только обломки их тяжелы.

Мертвые схемы особенно живучи.

Искусственный гибрид: свинарник на курьих ножках.

А. ЛИГОВ

Извилины его мозга образовали столь запутанный лабиринт, что еще ни одной мысли не удалось выбраться оттуда.

Загарпуненный кит считал, что он наматывает себе на ус корабль.

Ф. КУРИЦ

Часто ошибки ведут к открытиям, но еще чаще открытия — к ошибкам.

Если бы мы умели заглядывать вперед, нам всегда было бы приятно оглядываться назад.

Стоять во главе много легче, чем идти во главе.

В. ЖЕМЧУЖНИКОВ

ПРОСТО АНЕКДОТ

Дочь — матери:
— Мама, попроси отца, чтобы он дал мне карманных денег.
— Попроси сама. Ты скоро выходишь замуж, пора тебе привыкать к самостоятельности.

●

Врач — пациенту:
— Вам необходим полный покой, никаких усилий, никакой спешки. Советую вам вернуться на работу...

●

— Удивительно,— сказал философ,— когда мне было двадцать лет, я думал только о любви, теперь же я люблю только думать.

●

Муж пришел домой с двумя пылесосами.
— Почему ты все покупаешь в двух экземплярах? — озадаченно спросила молодая супруга.
— На случай развода...

●

— Как, ты уже сам печатаешь? У тебя ведь была машинистка?
— Да, но я на ней женился.

●

Ревизор — директору продмага:
— Вся ваша недостача списана на мышей, а я не обнаружил ни одной норки.
— Так это были летучие мыши.

●

Жена возвращается из магазина с новой скалкой для лапши. Муж накидывается на нее с упреками:
— С ума сошла! Дома нет ни капли спиртного, а она покупает мебель!

●

Профессор психологии сказал:
— Мы дошли до понятия «ложь». Об этом вопросе я уже писал в своем научном труде «О лжи». Поднимите руку, кто читал эту книгу.
Все студенты, как один, подняли руку.
— Отлично! — продолжал профессор.— Вот мы имеем прекрасный пример для лекции. Моя книга еще не вышла из печати.

●

В мясном магазине позади прилавка висит огромное зеркало. Покупатель спрашивает директора:
— Зачем вы повесили здесь зеркало?
— Чтобы покупательницы не смотрели на весы.

●

— Я буду жаловаться! Ваше средство от моли никуда не годится. Моль с удовольствием его поедает!
— Тогда все в порядке. Пока моль его поедает, ей не до одежды!

●

С. СПАССКИЙ

НАТАША

Весь день за окнами бушевал свирепый норд-ост.

А к вечеру он прекратился. И наступившая тишина особенно подчеркнула странные звуки, раздавшиеся в квартире Кусакиных.

Сначала тревожно щелкнуло, как будто стремительно взвели тугой курок.

Потом что-то прозвенело: так звенит стекло, пробитое пистолетной пулей.

И, как следствие, тут же прозвучал жалобный плач ребенка.

На самом деле щелчок произвел Михаил Кусакин, выключая телевизор. Звон раздался от упавшего на пол блюдечка: это Маша, жена Михаила, мыла на кухне посуду. А жалобный плач...

«Действительно, что за наваждение? — подумал Михаил Кусакин.— Ей-богу, ребенок... А может, кошка? Да нет, непохоже...»

Рывком он распахнул дверь в соседнюю комнату и не поверил своим глазам. Поперек дивана-кровати лежал сверток нежно-розового цвета, и терзающие душу всхлипывания доносились из его глубины.

— Маша!—растерянно крикнул Михаил Кусакин.

Жена прибежала из кухни. Посудное полотенце перехватило ее грудь, как лента фельдмаршала.

— Что случилось? — испуганно спросила она.

Михаил Кусакин боязливо левым мизинцем указал на сверток. Маша быстро и озабоченно развернула розовое одеяло и с улыбкой повернулась к мужу.

— Ничего особенного, мы проснулись и хотим кушать.

— Вы проснулись? — тупо переспросил Михаил Кусакин.

— Мы проснулись и хотим ням-ням,— подтвердила жена.

— А что... кто это?

— Да что с тобой?— обеспокоенно сказала Маша.— Как это кто? Наш ребенок.

— Откуда он?

— Ну, знаешь! Твои шутки, как всегда, неуместны.

Тут только сознание Михаила Кусакина отметило легкую походку и тонкую талию жены.

— Маша! Ты что, уже? — воскликнул он радостно.— А почему все так неожиданно? Люди в родильных домах лежат...

Жена грустно улыбнулась.

— И я лежала. Девять дней. Что же ты, забыл, как ночью такси вызывал?

Михаил Кусакин потер себе лоб.

— Ничего не понимаю. Да ведь я... Машенька, родная моя! У нас ребенок! Это сын или дочка?

— Господи! Ну, конечно, дочка. Мальчика ведь Наташей не назовут.

— Наташа, значит? А почему же ты со мной не посоветовалась, как назвать? Все-таки я имею какое-то отношение...

— А я советовалась. Как сейчас помню, я подошла к тебе — ты сидел в той комнате, в кресле,— и спросила: «Как дочку назовем?»

— А я что?

— А ты, не отрываясь от телевизора, закричал: «Шайба!» И свистнул.

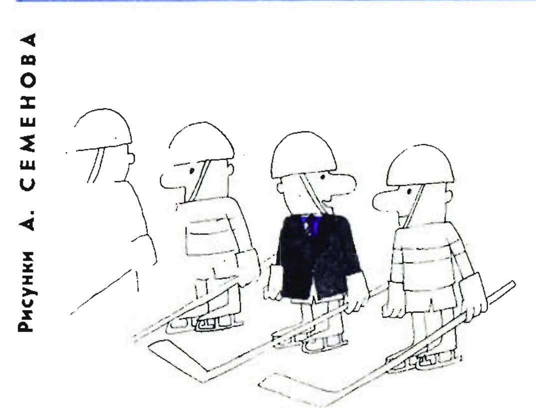
...К утру разбушевался зюйдвест со снегом. Начинался двенадцатый день чемпионата мира по хоккею с шайбой.

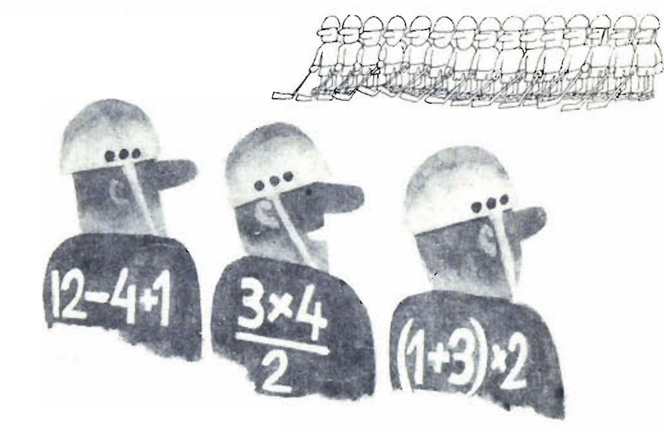
— Кто выступает?
— В воротах — Коноваленко, в нападении — Полупанов, Фирсов...

Рисунок А. ЦВЕТКОВА

Рисунки А. СЕМЕНОВА

— Я сегодня сразу после игры иду с женой в театр...

— По-моему, это должно сбить их с толку.

— Напоминаю, ребята! Противник — сторонник жесткой силовой борьбы.

УЛЫБКА 70

Шестое чувство

«И звери, и птицы, и даже, как утверждают ученые, земноводные обладают пятью чувствами.

И только Человека природа наделила шестым чувством — юмором.

Юмор делает человека мужественным, смелым и счастливым...»

Эта цитата взята из нового юмористического сборника, выпущенного Лениздатом.

Далее упомянем, что в сборнике напечатаны юморески, рассказы, пародии и афоризмы.

Кроме того, сообщим, что сборник составил писатель Евгений Мин.

Тут же отметим, что в сборнике участвуют семь ленинградских авторов: Р. Ворончук, Т. Калецкая, В. Карлинский, М. Медведев, С. Родионов, Арк. Семенов и Л. Сержин.

Наконец, добавим, что весь пятнадцатитысячный тираж этой книжки немедленно разошелся, что доказало наличие шестого чувства как у ее авторов, так и у читателей.

Вероятно, в силу всех этих немаловажных факторов книжка, о которой идет речь, носит название «Шестое чувство», что вполне соответствует ее содержанию.

Веселый триумвират

Три разноцветных альбома. Три несхожих художника. Три собственных почерка. А в совокупности именно то, что небрежно помечено на каждом из альбомов, выпущенных «Крокодилом»: «Мастера советской карикатуры».

Есть, впрочем, у Евгения Гурова, Юрия Черепанова и Удиса Межавилкса еще одна общая черта — смех. Когда смотришь их рисунки, нельзя не улыбаться. Больше рассматриваешь — веселее смеешься. А часто — и злее. Это тоже нужно.

Е. Гурову едва за сорок, а его рабочий смехотворный стаж свыше тридцати. Нынешний крокодилец начинал в стенной газете третьего класса «А». И с тех пор все норовит нарисовать позадиристее.

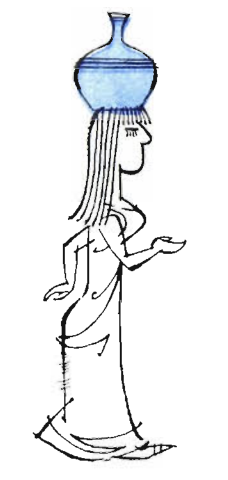
Ю. Черепанов прошел за свои годы тоже не краткий путь — от заводской многотиражки до «Крокодила», от маленьких графических шуток до острой сатиры. Он работает и над плакатами, и над изорепортажами, и над книжными иллюстрациями. Но его первая, неизменная любовь — карикатура. Броская, точная и опять же злая.

Бессменный участник трехсот с гаком номеров латвийского сатирического журнала «Дадзис» Удис Межавилкс начинал в ремесленном училище: рисовал шаржи на мастеров. Они смеялись и все чаще всерьез советовали:

— Слесаря из тебя не будет, давай переквалифицируйся на художника!..

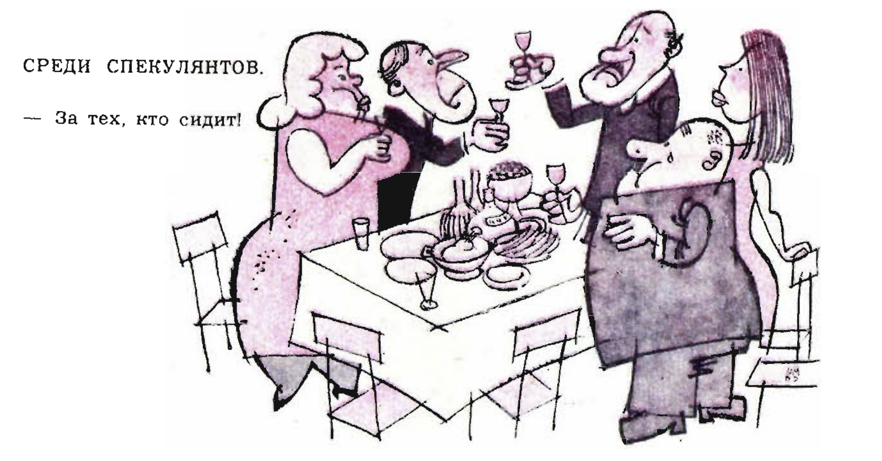
Вот он и переквалифицировался. Насколько удачно, — об этом вы можете судить по двум рисункам Удиса, опубликованным ниже.

СРЕДИ СПЕКУЛЯНТОВ.

— За тех, кто сидит!

КОРОТКО И ЯСНО

В соревновании претендентов на «Приз справедливости», несомненно, лидирует в данный момент управляющий трестом «Алтайсвинецстрой» А. Тарасов. Его ответ на заметку «Вместо огурчика — бурьянчик» («Крокодил», № 2) не нуждается в комментариях. Вот он весь, от слова до слова:

«В заметке правильно написано, что теплица очень долго строится. В настоящее время теплица остеклена, подано тепло, и металлурги комбината уже посадили первые грядки лука».

Коротко. Ясно. И справедливо.

РАЗОРВАННЫЙ КРУГ

Поделом досталось героям фельетона «Шапки по кругу» («Крокодил», № 24, 1969) — организаторам и участникам увлекательной игры с дефицитными головными уборами. Согласно правилам этой игры, шапки пускались по очень узкому кругу избранных должностных лиц, минуя прилавки.

Как сообщил нам заместитель министра легкой промышленности РСФСР Е. Мельников, начальнику отдела поставки ткани Первого Росглавшвейпрома тов. Козловой и заместителю директора швейной фирмы «Большевичка» тов. Лабинскому объявлены выговоры. Наказан также и директор фирмы тов. Иванов.

Министр издал по этому поводу специальный приказ «о нарушении предприятиями министерства порядка реализации продукции и товаров», в котором намечены меры, «исключающие в дальнейшем повторение подобных нетерпимых случаев».

У САМОВАРА...

Читатель В. Е. Пантин из Вологодской области пожаловался нам на свой самовар. Дескать, очень уж капризным норовом наделили этот полезный агрегат его творцы на Тульском заводе «Штамп» имени Б. Л. Ванникова. Пластмассовые ручки сразу же отскочили, вода из крана не течет... По этому поводу была опубликована в № 5 «Крокодила» заметка «Как это началось».

Руководители завода (и это делает им честь) приняли заметку близко к сердцу и тотчас же на нее реагировали. Специальная комиссия произвела тщательную выборочную проверку качества самоваров. Дефекты были обнаружены самые незначительные. Тем не менее комиссия дала ценные рекомендации, как улучшить качество выпускаемых самоваров. Как видим, тут письмо нашего читателя принесло несомненную пользу.

Но завод не успокоился и на этом. В Вологодскую область, в деревню Новая Слуда, Сямженского района, к В. Е. Пантину выехали начальник ОТК завода М. И. Бей и заместитель председателя группы народного контроля завода старший инженер ОТК А. М. Косачев. По секрету сообщим: они захватили с собою новенький самовар, чтобы заменить им инвалида, здоровье которого надлежало исследовать на заводе.

Почему по секрету? А потому, что новенький самовар не пришлось даже распаковывать. Действительно, как писал В. Е. Пантин, у его самовара отлетели пластмассовые ручки, действительно кипяток едва сочился из крана. Но Василий Егорович забыл упомянуть в письме, когда он купил свой самовар и как с ним обращался. А купил он его в 1963 году, а обращался... Вид у самовара был такой, будто его ежедневно пинали ногой. И вода не текла из крана потому, что за все годы никто ни разу не пытался удалить из него накипь.

Представители завода торжественно заменили все пластмассовые детали, объяснили хозяевам, как надо удалять накипь и, зафиксировав все в соответствующем акте, уехали, порекомендовав на прощание писать в редакцию поточнее.

Добрый совет. Крокодил полностью к нему присоединяется.

КРОКОДИЛ
№ 9 (1947)
ИЗДАЕТСЯ С ИЮНЯ 1922 ГОДА
ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА»
журнал выходит три раза в месяц

Темы рисунков этого номера придумали: М. Вайсборд, В. Владов, А. Внуков, Е. Гаврилин, А. Грунин, Г. Коровкин, А. Семенов, Н. Станиловский, Ю. Степанов, В. Тильман, Е. Шабельник, В. Шварц.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Технический редактор
А. В. КОТЕЛЬНИКОВА

Сдано в набор 12/III 1970 г. А 00028. Подписано к печати 20/III 1970 г. Формат бумаги 70×108 1/8. Объем 2,80 усл. печ. л. 4,54 уч.-изд. л. Тираж 5 770 000 экз. 1 завод: 1 — 4 683 000. Изд. № 253. Заказ № 757.

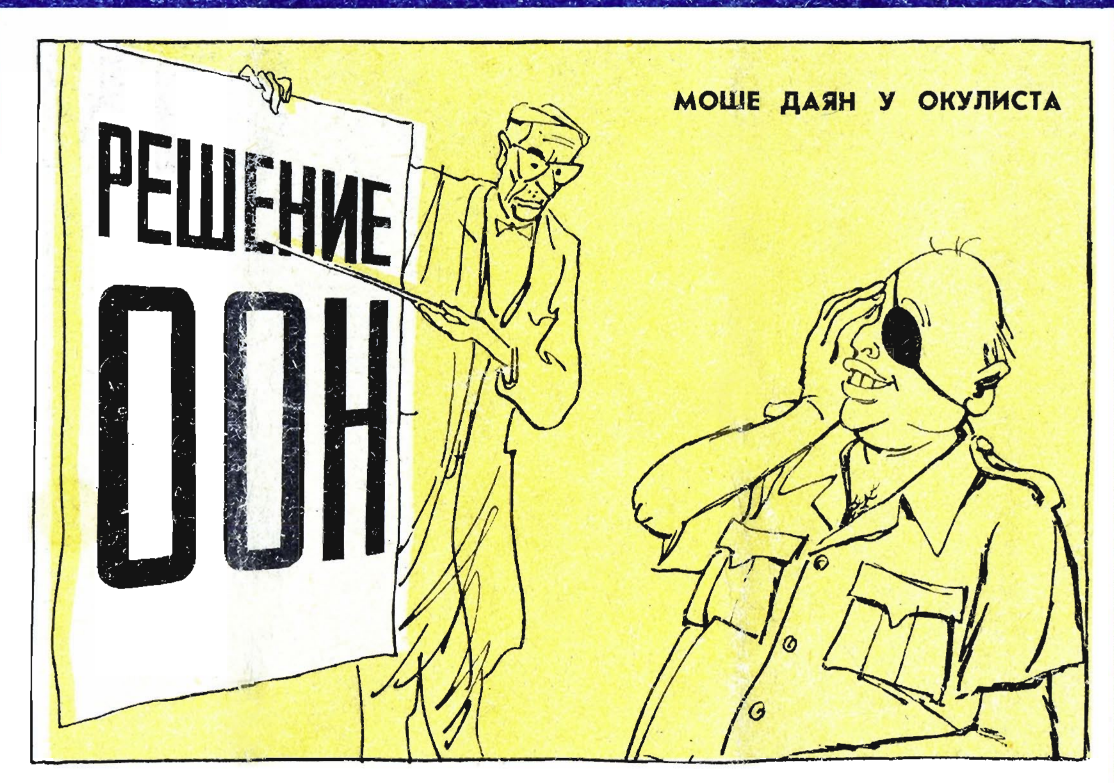
Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

МЕЖДУНАРОДНОЕ
ИЗО
ОБОЗРЕНИЕ

«Народный» капитализм с готовностью облегчает долю мелких держателей акций, освобождая их от бремени кошельков. Правда, можно войти в положение капитала: у него ведь столько расходов... Вьетнам, Лаос, да и подопечных в Израиле нужно поддержать, подбросить им деньжат и боеприпасов. А те подобострастно глядят в оба на вашингтонского хозяина и не желают видеть резолюцию ООН об отводе израильских войск с оккупированных территорий.

Но не один Израиль игнорирует международное общественное мнение. Когда-то ограблением чернокожих жителей Родезии руководили из Лондона. Теперь расистский премьер-министр Смит ликвидировал лишнее звено. Он провозгласил Родезию «независимой республикой» и намеревается держать родезийский народ в неволе и бесправии независимо от Лондона...

МОШЕ ДАЯН У ОКУЛИСТА

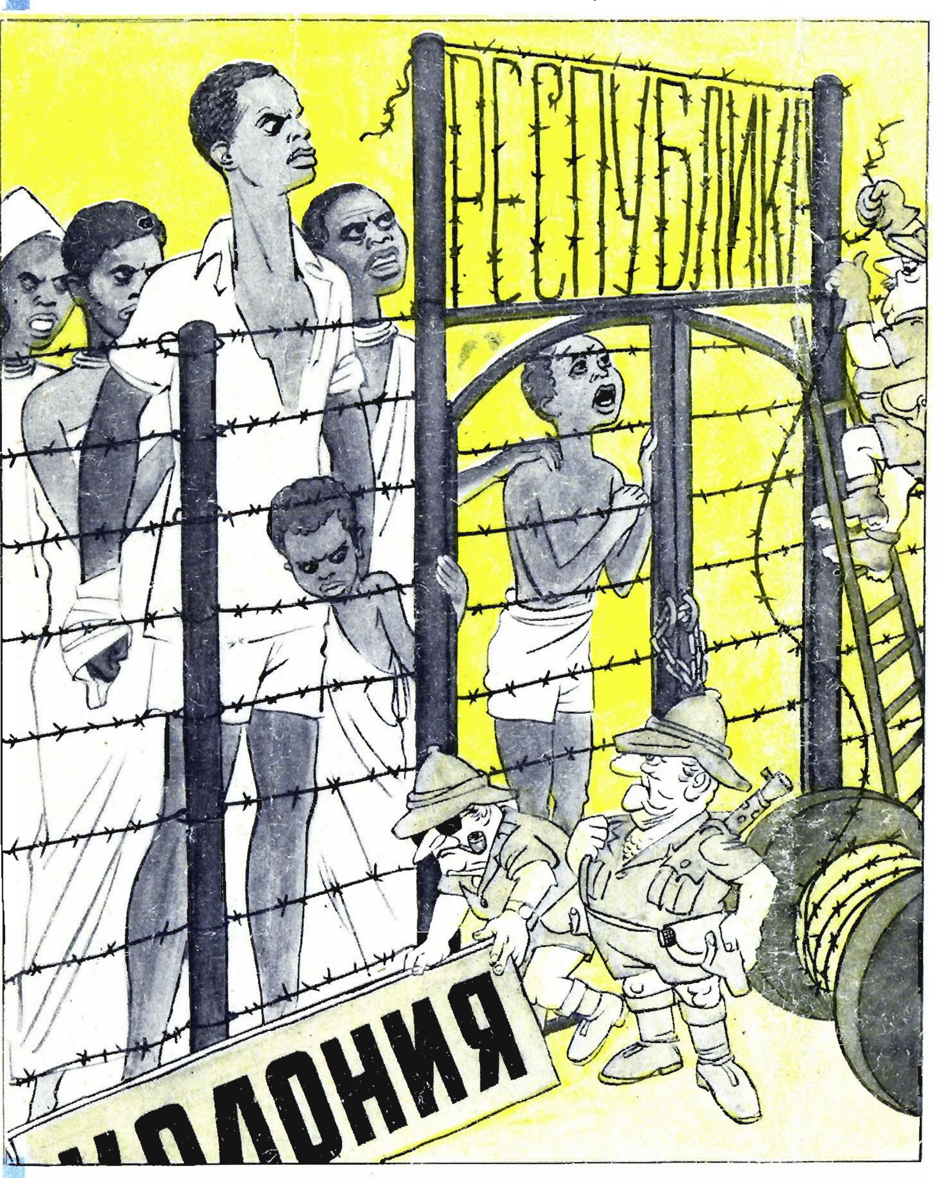

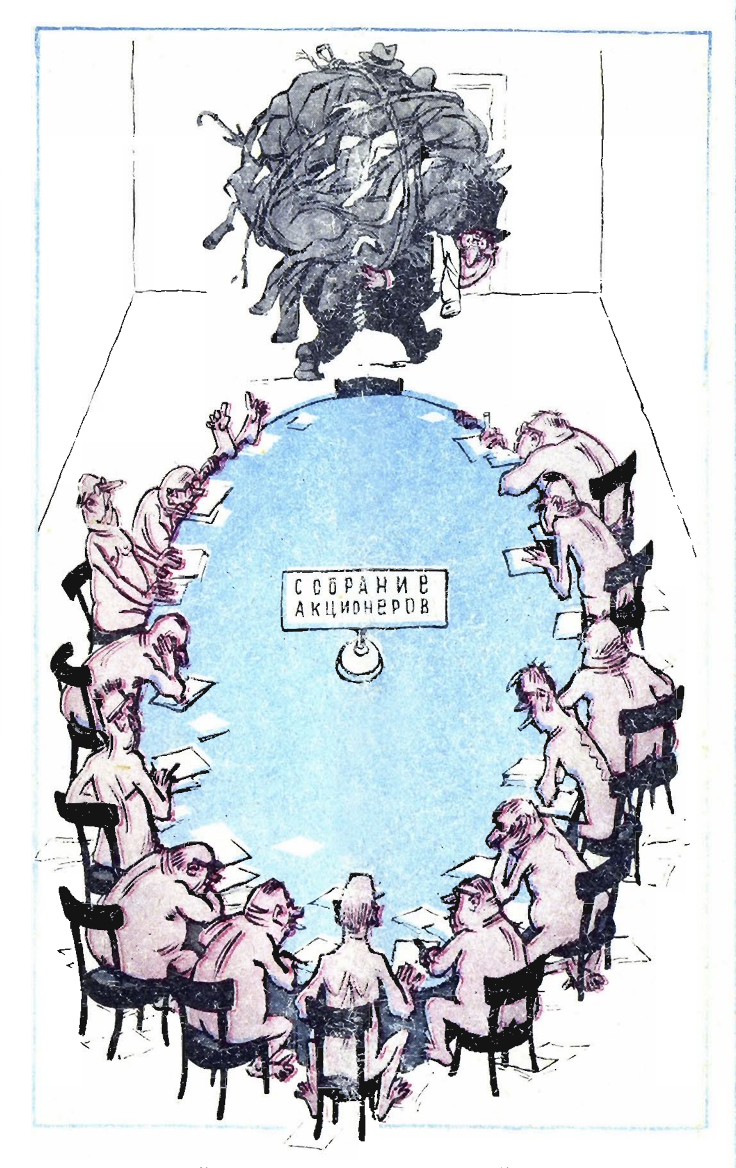
— Нет, решительно ничего не вижу!

Рисунок Л. САМОЙЛОВА

Смена вывески в Южной Родезии.

Рисунок Н. ЛИСОГОРСКОГО

«НАРОДНЫЙ» КАПИТАЛИЗМ В ДЕЙСТВИИ

— Вы убедились, господа, что при падении биржевого курса вся тяжесть ложится на плечи главных держателей акций...

Рисунок М. АБРАМОВА

Цена номера 12 коп.

Индекс 70448